

Андрей Звонков

Невидимка

Фельдшер скорой — секретный агент
уголовного розыска

Андрей Звонков

**Невидимка. Фельдшер
скорой – секретный агент
уголовного розыска**

«Издательские решения»

Звонков А.

Невидимка. Фельдшер скорой – секретный агент уголовного розыска / А. Звонков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-931978-4

Весна 1993 года. Часто происходят нападения на бригады скорой, чтобы отобрать наркотики. Молодому фельдшеру Ивану очень не хочется уходить на службу в армию. Тесть предлагает перейти со скорой в милицию. Иван соглашается, однако все пошло не так, и ему предстоит раскрыть преступную группировку на одной из подстанций Московской скорой. То, что казалось по началу забавной игрой, оказалось игрой со смертью...

ISBN 978-5-44-931978-4

© Звонков А.

© Издательские решения

Содержание

НЕВИДИМКА	6
Аннотация	7
Глава первая	8
Глава вторая	19
Глава третья	33
Глава четвертая	39
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Невидимка Фельдшер скорой – секретный агент уголовного розыска

Андрей Звонков

Иллюстратор Андрей Санрегрэ

© Андрей Звонков, 2018

© Андрей Санрегрэ, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4493-1978-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НЕВИДИМКА

Детективная повесть о фельдшере скорой помощи – секретном агенте уголовного розыска.

Аннотация

Иванушка-дурачок – герой русских сказок, встречается и в наши дни. Особенно много их появляется в обществе в переломные моменты, когда необходимо выживать в новых жестких условиях.

Особенно трудно человеку, если это время совпадает с периодом его взросления. Жизнь – не игра и не сказка, хотя признать это довольно сложно.

Как понять, кто на твоём пути «Бурый волк», кто «царевна-Лягушка», кто «Баба Яга», а кто «Кощей Бессмертный»? Кому можно доверять, а кому – нет? Только маме, но она ничего не должна знать.

Иван Тупицин – молодой фельдшер скорой помощи, поневоле становится секретным сотрудником милиции и, рискуя жизнью, раскрывает наркомафию, окопавшуюся на одной из подстанций скорой помощи Москвы.

Все персонажи повести вымышлены, а совпадение с реальными людьми и событиями – случайно.

Текст А. Звонков 2018 г. Москва

Иллюстрации: А. Санрегрэ 2018

Глава первая

в которой Иван получает повестку в армию, а его тесть предлагает послужить в милиции.

Иван в панике примчался к тестю.

Вот только призыва в армию ему сейчас не хватало для полного счастья!

Вернувшись домой, после суточного дежурства на скорой, он нашел в почтовом ящике повестку! Военкомат неожиданно вспомнил о нем. Это несмотря на сокращение армии, объявленное новым Президентом.

Отца похоронили месяц назад. Жена с годовалым сыном уехала в деревню под Черновцы. Он рассчитывал за три летних месяца подкопить денег, работая на полторы ставки. А тут, на тебе – повестка! Извольте послужить! Очень некстати. Можно сказать, совсем не вовремя. В другое время Иван бы не подумал нарушить закон, но не сейчас. А с другой стороны, нарушать не хотелось. Ибо он – законопослушный гражданин. Но какая сейчас Ивану армия?! Военкомат и так устроил неожиданную «отсрочку» на год, потому что потеряли документы при переезде. Вот, теперь их, видимо, нашли и решили, что без фельдшера Ивана Тупицына российская армия никак не справится с потенциальным противником.

Только вот где он? Америка и Европа теперь лучшие друзья России, а все ракеты, как пообещал нетрезвый президент, с трудом ворочая языком, нацелены в никуда.

Ельцин обнимается с Клинтоном и называет его лучшим другом, а Клинтон откровенно ржет над ним.

Тесть допил пиво, отрыгнулся, вытер пальцами набежавшую слезу. Сев напротив Ивана, поглядел в его остекленевшие от бессонной ночи глаза.

– Могу я твоему горю помочь.

Иван поднял взор на тестя, который говорил с сильным украинским акцентом.

– Помогите, Степан Богданович, – тускло и безнадежно проговорил он. – Я не уклонист, и бегать от армии не стану. Но сейчас уйти на два года – очень не хочется.

Пять лет назад, еще в СССР, майора Пасюк—Пивторацкого после окончания киевской академии МВД перевели заместителем начальника РУВД в Москву. Должность эта была временная, потому что ждал тесть обещанного теплого местечка в Министерстве с повышением в звании, однако, как известно, не бывает ничего более постоянного, чем что-нибудь временное. Все обещания испарились в один день. В министерстве вдруг начались перетурбации и сокращения, вакансии, которую держали для тестя – исчезла. А потом и совсем все стало зыбко и непонятно. СССР вдруг развалился, МВД реорганизовался, а тесть так и завис на должности заместителя начальника районного управления. Впрочем, он и этому был рад, потому что немало его земляков после распада Великой страны вернулись в родные республики. Во всяком случае, Степан Богданович был рад, что его не трогают и из служебной двушки выселить не спешат.

Земляки, занимавшие высокие посты в министерстве, вызвавшие его в столицу, пообещавшие и должность, и звание, постарались сдержать обещание хоть частично – тесть получил вторую звезду и стал подполковником. Но его начальник не был стар, держался за кресло и освобождать не спешил. От предложений переехать в другой город и там принять местное управление Пасюк-Пивторацкий отказывался. Москва, все-таки!

– Помогу, – повторил тесть. – Не так, как ты думаешь, Ваня, но помогу.

– А как? – безнадежно спросил Иван.

– Завтра утречком, побрейся, умойся, причешись, оденься и с дипломом и прочими документами своими приезжай ко мне на службу. Возьму тебя в своем районе опером-стажером.

Вот это номер!

От такого предложения Иван даже удивиться не сумел, настолько абсурдным показалось это предложение.

– Кем?! Но я же – медик, – напомнил Иван.

– И шо? – Тесть рассмеялся. – Я шо, не знаю? Ты медучилище закончил после десятилетки?

– Да.

– Училище твое какое образование дает?

– Среднее специальное, – не меняя интонации, ответил Иван, – медицинское.

Тесть от этого уточнения отмахнулся.

– Ну, вот и все, зятек, не парься. Это моя забота дальше. С кадрами я улажу ситуацию, у меня там есть земляки – помогут. Курсы тебе устроим, заочные. А с военкоматом договоримся.

– Хорошо.

На эмоции и возражения у Ивана уже не было сил. Все происходило словно во сне. И сон этот, как начался еще утром, так и тянется. Просыпаться Ивану не хотелось, а хотелось, наконец, выспаться.

– Ну, вот и добре! – тесть откупорил вторую бутылку Оболони. – Я об этой ситуации давно уже думал. Дуже я волновался, шо тебя загребут, и надумал. А вот и ситуация!

Тесть очень любит это слово – «ситуация», он его выговаривает как-то особенно, от чего его украинский акцент приобретает особенную окраску, а слово представляется невероятно важным. Ивану сразу приходят на ум фильмы «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «За двумя зайцами». Потому что на тестево «г» вспоминаются Проня Прокоповна: «Шо ты гакаешь? Не гакай!» и толстый Пацюк, который ел галушки со сметаной, не прикасаясь к ним руками. Тесть очень похож на этого артиста [1]. За пять лет службы в Москве его акцент нисколько не изменился. Порой Ивану казалось, что тесть нарочно бережет свое особенное произношение, как бы выставляет его напоказ, разговаривая на невероятной смеси украинского и русского, как актер Тарапунька. Иван не мог определить, нравится ему это или нет, но звучало прикольно и иногда очень смешно. А разговаривая с тестем, Иван представлял, как тот говорит:

– Коли нужен чорт, так и ступай к чорту!

Именно так, через большое и глубокое «О».

Теща подала большую тарелку с борщом и булочки с чесноком – пампушки.

Говорила теща всегда мало. Но если начинала говорить, то Иван ничего понять не мог. Это было какое-то «пение» в котором все звуки сливались в переливчатую мелодию с интонациями. Выделить точный смысл из этих «песен» Ивану еще ни разу не удалось. Он улавливал только два: согласие или отрицание. Зачем для этого нужно было произносить такие длинные фразы, оставалось загадкой.

Иван давно подозревал, что борщ в этой семье варится постоянно. Одна кастрюля заканчивается, но уже готовится другая? Потому что, когда бы он ни пришел к тестю, всегда ему подавали борщ или приглашали на борщ. Будто других блюд не знали.

– Рубай, Иванэ, и жду тебя завтра. – Тесть поднялся, – за пиво спасибо. Уважил. Пойду я, футбол посмотрю. Наши играют. Не обижаешься?

Иван покачал головой «нет». Борщ у тещи всегда отменный и тесть понял, Иван молчит, потому что ест, а «когда я ем, то глух и нем».

«Наши» для Степана Богдановича это «Киевское Динамо».

Как известно, думать вообще трудно, особенно думать на следующий день после суточного дежурства. Иван отдался поглощению борща, позволив мыслям самотеком возникать и таять.

Он не сетовал на судьбу, хотя та его явно не любила. Так комсомолец Тупицын, всю жизнь посвятивший борьбе с родовым проклятием в виде фамилии, доставшейся в наследство

от деревни, в которой жили его предки, первый мощнейший хук от судьбы, который помнил до сих пор, получил в кружке космонавтики Московского дворца пионеров. В восьмом классе Иван попал на экскурсию в Звездный городок. Тут его мечта стать военным летчиком, а затем и космонавтом, обрела вдруг материальное воплощение, и в тот же день испарилась как расцветные облака.

В завершение довольно долгой экскурсии по главной базе советской космонавтики, им предложили в добровольном порядке пройти настоящий медосмотр, как у космонавтов.

Водивший их военный, очень дружелюбно и даже весело предложил:

– Ну, кто из вас самый смелый? Шаг вперед на медосмотр!

Шагнули все, даже девочки.

На медосмотре Иван узнал, что для него закрыта дорога в небо и тем более в космос. Протек митрального клапана [2].

Пережив этот удар, Иван на утро решил сам стать врачом, и последние школьные годы посвятил подготовке в медицинский институт. Почему врачом? Он не смог бы ответить в тот момент. Видимо сработало внутреннее упрямство. Желание разобраться в ошибке своего тела и исправить ее. А для этого надо было стать медиком. Теперь он понимал, что с его сердцем и почему ему противопоказаны запредельные нагрузки.

При всем упорстве в учебе и общественной работе, золотой медали в школе он не заслужил, но аттестат со средним баллом четыре девятости и почетная грамота – это тоже немало.

Иван уверенно пошел на экзамены в самый престижный Первый мед, который к тому году уже стал академией, но получил два тройка – на сочинении и на биологии. В сочинении оказались: одна пропущенная буква, две лишние запятые и не хватило одного тире. Иван отчитал себя за торопливость. А вот на биологии его валили вполне намеренно и даже с каким-то неприкрытым садизмом. Экзаменатор язвила насчет фамилии Ивана, и, возвращая ему экзаменационный лист с тройком, процедила сквозь зубы: «Надеюсь, что после армии вы, Тупицын, сможете поступить в институт без конкурса». Через ее сжатые зубы фамилия Ивана прозвучала как «Тупица».

Иван, привык к тому, что взрослые люди, окружавшие его до сих пор, в общем, были добрые и отзывчивые. Некоторые даже жалели из-за фамилии. Но сейчас он впервые столкнулся с неприкрытой злобой в лице этой экзаменаторши. Что он ей плохого сделал? Ответ он нашел потом, обсуждая ситуацию с отцом.

В стране полным ходом шла «перестройка», развивался частный кооперативный бизнес и люди как-то быстро стали изменяться и не в лучшую сторону. В них пропали дружелюбие и отзывчивость, но сильнее проявились равнодушие, враждебность и даже жестокость. Жажда наживы вошла в спектр оправдывающих мотиваций. Не для следствия и суда, а для других людей. И то, что раньше казалось диким и невозможным, теперь стало понятным. Милосердие и благородство, умение прощать стали расцениваться как слабость.

Но Иван не мог допустить и мысли, что злая тетка, зарубившая его на биологии, просто ждала конверт с деньгами. Сколько? Да хоть сколько-нибудь.

Взяв в руки экзаменационный лист с непроходными баллами, Иван не заплакал. Курить он не умел. Пить считал проявлением душевной слабости, недостойной комсомольца, для которого всегда примерами были Олег Кошевой и Николай Островский.

Он обзвонил все медицинские институты Москвы, оказалось, что его баллов хватало для поступления только на вечернее лечебное отделение в Стоматологический институт имени Семашко. Но для этого надо еще иметь трудовой стаж не меньше года и образование медбрата или фельдшера.

Успокоившись, он поехал в медучилище, где готовят фельдшеров для «Скорой помощи» и отдал свой экзаменационный лист туда.

В медучилище, которое стало почему-то называться на американский манер «медицинский колледж», приняли его с распростертыми объятиями. Зав учебной частью потряс Ивана за плечи и радостно объявил:

– Парень! Ты не представляешь, как тебе тут будет хорошо! Мой совет: годик отучишься, заберешь документы и попробуешь снова поступить в институт. Две попытки у тебя будут. А если опять завалят, вернешься и закончишь училище. С дипломом поступишь на вечернее отделение. Как бы дальше ни пошло, а профессия уже будет!

Иван принял этот совет как команду к действию и жизненный план на ближайшие годы.

Но, все оказалось сложнее, чем ему представлялось.

После второй попытки сдать экзамен уже во второй мед, когда он опять «споткнулся» о биологию, а для поступления на этот раз не хватило всего полбалла, отец предложил съездить к ректору и попросить принять на первый курс института сверх набора до первой сессии. Иван знал, что так можно. Обычно берут человек пять на курс, кто не добрал один балл или меньше, но ему гордость не позволила. Чтобы за него просил отец!? Нет, Иван не мог пойти на то, чтобы за него, как за школяра просили. Он взрослый и самостоятельный мужчина. Иван поехал сам, но ректор развел руками – нет мест. Что же, он будет доучиваться в медучилище и таким способом получит законную отсрочку от призыва в армию, и после третьего курса воспользуется еще раз возможностью поступить в институт.

После второго курса у Ивана началась практика в хирургическом отделении. Он настроился мыть палаты и перестилать кровати целый месяц, чтобы как-то отвлечься от неудачи с поступлением. Однако, работать санитаром ему пришлось всего два дня.

Дело в том, что хирург Бельченко, ставший заведующим хирургией, Ивана заметил и потребовал, чтобы тот отставил швабру, переоделся, намылся и встал к столу помогать ему при операции.

Для Ивана это был ужас и кайф одновременно. Отказаться он не мог по двум причинам: Бельченко не предлагал и не просил, а приказывал. Спорить с ним оказалось совершенно бесполезно. А еще и потому, что Ивану было страшно интересно. То есть, и страшно и интересно!

Бородатый хирург буквально, как котенка за шкирку, взял Ивана и поставил напротив себя – ассистировать. Он жутко матерился во время операции и лупил инструментом по пальцам, приговаривая:

– Не мацай! Держи так! Не рви! Не тяни! Здесь держи! – и все это сопровождалось смачными эпитетами в адрес «ассистента».

Оперировал Бельченко широко, то есть распахивал животы и приговаривал:

– Чем больше хирург, тем больше рана! Не люблю работать вслепую!

Бельченко грозно смотрел поверх маски на всех зрителей – студентов и обзывал девчонок курицами и мокрохвостками. Иван, держал крючки, раздвигая края раны, старался запоминать, все, что делает и объясняет хирург, и не понимал этого слова «мокрохвостки». Несмотря на ругань во время операции, Бельченко весьма одобрительно оценил помощь «ассистента», а уводя Ивана после операции в ординаторскую, пояснил свое отношение к женщинам:

– Запомни, Ваня, ссыкухи они... страх раньше их родился. Могут только стоять, смотреть и морщиться. А больной, он как зверь, он страх чувствует. Боишься его – хрен он тебе будет доверять, слушаться и выполнять твои назначения. В медицине нужен кураж! А у девчонок какой кураж? Они паникерши по сути своей. Делать бабам в медицине нечего. То у них месячные, то дети, то еще какая-то ерунда... нет, с ними дела не сладишь. Пусть вон, тряпки выжимают да говно выносят. Вся их работа! А принимать серьезные решения и людей спасать могут только настоящие мужчины!

Ивану Бельченко нравился смелостью, и не нравился именно бешеным напором и безапелляционностью. И хирург, видимо, это понял, потому что однажды доверительно сообщил:

– Хороший ты парень, Ванька. Умеешь слушать. Это важно. На это сейчас немногие способны. А еще, ты – молодец. Хоть и салага, но стерженок в тебе есть. Вижу, что в хирурги ты не стремишься. Ну, и хрен с тобой. Важно, что ты не зассал, когда я тебя в операционную потащил. Значит, у тебя кураж есть и от работы не бегаешь. Это хорошо. Из чего я делаю вывод: на тебя можно положиться в любой ситуации. Очень хорошее качество. А еще повторю, ты умеешь слушать – это редкий дар. Ванька, раз уж дал Бог такой талант, то тебе прямая дорога в психиатры! – Бельченко помолчал, видимо, что-то припоминая и спросил: – Знаешь классификацию врачей?

Иван помотал головой.

– Предупреждаю, это шутка. Хирурги – ничего не знают, но все могут. Терапевты все знают, но ничего не могут, а психиатры – ничего не знают и ничего не могут! – перечислил Бельченко и рассмеялся.

Иван для приличия улыбнулся. Он не понял смысла этих метафор и аллегорий, но, чтобы поддерживать беседу, на шутку надо реагировать, так, чтобы собеседник эту реакцию видел, тогда у него будет стимул продолжать разговор.

Разговор этот состоялся однажды вечером в ординаторской. Медсестры уже предупредили Ивана, что у Бельченко «синдром отца». Отца, у которого три дочери, который мечтал о сыне и ждал его рождения, но не случилось. Так теперь он на студентах душу отводит. Найдет сообразительного парня и давай его дрессировать на хирурга. К столу ставит, а в свободное время заставляет узлы из шелка вязать, и говорит, говорит, объясняет... учит.

– Знаешь, Ванька! В прошлом хирурги врачами не считались. Не смейся. Правда. Врачи это терапевты, знахари, а хирурги и костоправы – отдельная профессия и особый цех. Так что обещание клятого Гиппократы к нам как бы не относится. Я этого словоблуда терпеть не могу. Жил бы он в наше время, я набил бы ему морду. Повезло охламону античному! – Бельченко погрозил воображаемому лекарю огромным кулаком.

Иван за месяц практики многое узнал и кое-что понял. Как ему тогда казалось, что понял. Он понял, что люди все, все, без исключения, но с различными нюансами – добровольно шагают к смерти и болезням, не думая об этом. И только, когда эта смерть уже подходит вплотную, начинают судорожно искать спасения у медиков, обвиняя их в неумении, непонимании и неспособности помочь. А некоторые не ищут, но с покорностью ждут финала.

Стоя с Бельченко на операциях, и потом, в ординаторской за чаем с коньяком, Иван услышал массу историй, из которых становилось ясно главное – больше восьмидесяти процентов всех неотложных случаев и тяжелых состояний травм и различных внезапных болезней, осложнений связаны с нарушением элементарных правил безопасности и беспечностью самих больных.

Так Бельченко поведал одну жуткую историю по трем мужчинам, парившихся в закрытой бане. Закрытой на санитарный день, а не какой-то правительственной – «Закрытой». Как они там оказались? Да очень просто. У кого-то из троицы был друг банщик.

В парной они парились, в моечной, соответственно, мылись, а в предбаннике, между заходами в парилку и помывом, водку с пивом потребляли и воблой закусывали. И вот один так напился, что пошел в моечную, прилег на теплом каменном лежаке, свернулся калачиком, мочалку вместо подушки под голову подложил и уснул. А другой увидел шланг, которым банщики моют лежаки, взял да и вставил в задницу спящему. В шутку. А потом также в шутку кран открыл.

Мало того, что кипяток и перегретый пар, в самом шланге еще и воздух под давлением пошел. И вот это «копье» влетает спящему в прямую кишку! Того аж подбросило на лежаке. Бельченко рассказывал живо, ярко. Иван представил себе эту картину и передернулся от ужаса.

– Так ведь убить можно было?!

– Так, он почти и убил. – Согласился Бельченко. – Не умер дядя от болевого шока только благодаря водке, которая пропитала его организм. У друзей ума хватило вызвать скорую. Сам-то шутник, пока его дружок и банщик разбирались, да в скорую звонили, сбежал.

Привезли того бедолагу ко мне, а у него живот надут, как барабан – аж синий. Мы его под рентген – там понятно, в брюшной полости воздух! Делать нечего – схватили на стол. Выживет, нет – кто знает? Первым делом газ из живота стравили... сам понимаешь – амбре еще то. Потом раскрыли брюхо лапаротомически [3], от мечевидного отростка до лобка. На полную, как чемодан, хоть молнию вшивай. Ну и давай промывать, да дырки в кишке зашивать. Я насчитал тринадцать перфораций. Шесть часов мы промывали и собирали ему кишечник. Часть сигмы и толстой кишки в лохмотья. Пришлось убрать. Отправили мужика в реанимацию, а жене на следующий день объяснили честно: шансов ноль. Но ждем. Смотрим, а по дренажам сероза идет... ну жидкость такая, желтенькая типа лимфы, крови почти и нет. Уже хорошо! Пришел он в сознание и только пить просит. А пить-то ему как раз нельзя. Ну, и что ты думаешь? Через три дня его к нам в отделение из реанимации отдали.

А мы ведь кишечник ему зашинуровали. Вижу, не знаешь, что это. Это на всю длину кишки через нос в желудок и дальше в тонкую кишку такую мягкую трубку вставили с боковыми дырочками. Чтобы через нее по капельке, как только там начнется шевеление – перистальтика, бульончики вливать, да гоголь—моголь. Все—таки мы надеялись, что мужик везунчик.

Чтобы ускорить процесс заживления и спаек было поменьше, подняли мы его на ноги, ходить заставили, прямо с дренажами. Он – что твой инопланетянин. Обмотанный простыней, и с боков из живота повсюду трубки с приклеенными перчатками вместо пакетов, куда сероза собирается. Ходит по коридору, капельницу перед собой катает на колесиках. Из носа труба торчит, через которую планируем кормить.

Видок – что надо!

Вроде бы все ему объяснили русским языком. Кишка, слава Богу, срослась, но надо дать ей прийти в себя – пока она работает, перистальтировать [4], не начнет, а значит – есть пока нельзя. Кормим мы его внутривенно, капельницами. Ну, вот ты понимаешь, что есть ртом в таком состоянии нельзя?

Иван кивнул.

– Понимаю.

Бельченко развел руками.

– А он не понял, в первую же ночь приперся на кухню, когда медсестры прилегли, и сожрал, чего нашел в холодильнике! А утром в крик. Живот опять как барабан. Я его осматриваю, а у него эвентрация. Знаешь, что это?

Иван снова отрицательно покачал головой. Слово незнакомое. Эвентрация.

Бельченко пояснил:

– Когда живот зашиваем, то делаем это слоями: брюшина, мышечный слой, потом кожу. Так, когда он нажрался, у него швы прорезались, а кишки вылезли под кожу. Это и есть – эвентрация. Мы живот-то опять открыли – и опять у него кишки раздулись, как дирижабль, чуть не до потолка но, правда, не полопались. А могли бы. Открыли мы кишку, спустили газы и содержимое. Зашили, уложили снова все на место.

Бельченко объяснял, рассказывал, а Иван старался понять, что ему хирург пытается донести? Ну, дядька, больной этот какой-то дурак. Но ведь таких дураков днем с огнем не сыскать – этот, наверное, один вообще такой в природе. Бельченко уловил мысли Ивана.

– Думаешь это единственный такой случай?

Иван кивнул снова.

– Наивный. – Бельченко усмехнулся, – каждый день привозят что-то подобное. В любом отделении ты найдешь такого же дядьку или тетку. И не одного. А почти везде есть такие, что

тянули до упора, пока сердце не остановится или гной из ушей не польется. И это самая большая загадка нашей медицины. Почему люди в стране, где можно в любой момент попросить помощи, и она будет оказана – тянут до самой смерти, иногда проходят «точку невозврата», а потом, если больного не удастся спасти, родственники жалуются начальству – врачи плохие, потому что не вылечили.

Иван вспомнил этот разговор, когда пришел на скорую. Так все и было. Что толкало людей совершать глупости? На это ответа не было. На прошедшем дежурстве он забирал молодого парня с обваренными ногами и пахом. Ну, каким надо быть дураком, чтобы на журнальном столике с дрожащими ножками, наложив книг и тетрадей, поставить маленький туристический примус, на него семилитровую кастрюлю и варить в ней макароны. Комнатка в общежитии такая маленькая, что парень, не вставая с кушетки, в трусах, сидел, помешивал макароны в кастрюле, и листал конспекты другой рукой.

Кастрюля вертанулась с примуса прямо ему на колени. Сплошной водянистый пузырь от живота и ниже!

А всякий раз, когда Иван приезжал к больному поздно ночью, выяснялось, что плохо ему стало еще в рабочее время, или даже днем раньше, и на вопрос: «почему сразу не вызвали, или в дневное время, когда в больнице много врачей? Когда работает лаборатория и все медики еще не уставшие. Зачем нужно ждать трех, четырех часов ночи?» Люди отвечали стандартно: «Я думал, что само пройдет».

Теперь Иван был уверен, что среди людей очень много дураков.

Иван доел борщ, простился с родственниками и уехал домой.

В дороге он старался не уснуть. И мысли его все также спонтанно возникали и исчезали, как огни фейерверка в ночном небе.

После третьего курса Иван из-за летней практики не успел отнести документы в институт. Месяц ему пришлось покататься с бригадами «скорой». Тогда-то он и влюбился в эту работу. Настолько влюбился, что про поступление вспомнил слишком поздно. А когда заместитель директора училища по учебной работе, в обмен на оформленный дневник практики, выдал необходимые бумаги, приемные комиссии во всех трех институтах Москвы уже прекратили прием.

Наверное, будь на месте Ивана другой человек, он возненавидел бы всех, кто пользуется властью на рабочем месте, а заодно и страну, в которой такое возможно. Но Иван имел государственное мышление, он поставил себя на место замдиректора и согласился с ним, что другого способа принуждать студентов эффективно и точно исполнять свои обязанности, кроме как так жестко требовать их выполнения – нет. Он винил только себя в собственных неудачах и атаках судьбы. Если б верил в Бога, мог бы обращать претензии к Нему. Но Иван – атеист, и раз для него Бога нет, значит и вина за все неудачи только на нем самом. Это справедливо и честно.

В училище среди двух десятков девушек – сверстниц Иван растерялся. Срабатывал комплекс девственника. Он заводил дружбу, встречался, но в последний момент, когда девушка была уже готова дать принципиальное согласие на интим, Иван вдруг обрывал отношения. Так, наверное, вышло бы и с миленькой и очень красивой Оксаной Пасюк—Пивторацкой. Но, как оказалось, украинская «гарна дивчина» на предмет Ивана имела собственные виды. Целомудренный, интеллигентный москвич – где сейчас найдешь такого?

Они гуляли по Москве, целовались в скверах и в кинотеатрах, а когда Оксана однажды пригласила Ивана к себе, намекнув, что родителей не будет допоздна, тот сбежал из квартиры. Он так перепугался близости, что пришел в себя только, когда влетел в вагон метро. Как он убежал и что это вообще было – он не помнил. Голова его гудела и сердце колотилось страшно, а земля уплывала из под ног.

Смеялась девушка или расстроилась, Иван не знал, но сдаваться она явно не собиралась.

А ему в тот момент стало очень стыдно и страшно. С Оксаной он учится в одной группе, через два дня начинался учебный год. Они же непременно встретятся на занятиях. Как ему быть? Как посмотреть ей в глаза? Она наверняка расскажет об Ивановом позоре подругам!

Опасения его не подтвердились. Может быть, другая и отомстила бы Ивану, опозорив его, но Оксана никому ничего не сообщила. Она вообще сделала вид, что с Иваном после каникул встретилась только сейчас – первого сентября. А позора два дня назад будто бы и не было совсем. Или он был, но только лишь в воображении Ивана, как в кошмарном сне.

Иван же действительно пребывал в состоянии дежа-вю. Была у него встреча с Оксаной или ему приснилось? Он смутно помнил жаркое прерывистое дыхание, прикосновение ее груди через обтягивающую маечку, к его груди, губ к губам, жар ее тела и огонь в Ивановых ладонях, которые она положила себе на бедра, от которых словно искрило высоким напряжением. Он оттолкнул ее? Как он сбежал? Что говорил? В памяти пустое место. Наверное, это было во сне Ивана, мечта, такая яркая, что сохранилась будто явь. Он и сейчас не мог сказать уверенно, что тогда происходило в вечерних сумерках пустой квартиры Пасюк-Пивторацких?

Девчонки предложили собраться на квартире одной из одногруппниц и отметить первое сентября. Родаки в отъезде. И, конечно, они позвали единственного в группе парня. Иван согласился, не подозревая, что задумали девушки. Наивно полагал он, что в большой компании все будет вполне пристойно.

Коварный план девчонок удался лишь наполовину. Напоить они его напоили, но в последний момент скисли. Куража хватило лишь на то, чтобы раздеть пьяного в хлам парня до трусов.

Заводила Оксана объявила подругам, что Ивана любит и потребовала помочь отнести в спальню, где утром проснулась в его объятиях. Естественно оба были нагишом.

Иван же ничего не помнил. Было? Не было? Как это было? Но Оксана уже на трезвую голову закрепила обращение Ивана из юноши в мужчину, и он уверился – все было. Теперь уже точно. Он боялся спросить, почему она так смело поступила. А она, почувствовав его недоумение, поцеловала и прошептала:

– Ты же боягуз [5], Ванька. Ну, сколько я могла чекать?

– Что? – не понял Иван.

– Ждать, – перевела Оксана, а вот слово «боягуз» переводить не стала.

Два месяца они встречались, используя любую возможность для интима, и Иван закреплял и совершенствовал свое мужское естество. И если после первого секса, он несколько дней пребывал в недоумении, потому что ждал чего-то большего, а оказалось все как-то очень банально, то постепенно разочарование сменилось пониманием. Он вошел во вкус, начал разбираться и даже получать удовольствие.

О том, чтобы расширить сексуальный опыт с другими девушками, он и думать не хотел. Воспитание не позволяло. То, что Оксана не девственницей с ним вступила в отношения, его абсолютно не беспокоило. Он вообще не думал об этом, наивно полагая, что этот момент случился тогда, в его опьяненном состоянии, а спросить постеснялся и вообще считал подобные разговоры неприличными.

В ноябре Оксана объявила:

– Я беременна!

На четвертом курсе в медучилище перед госпрактикой идет гинекология. Посещая абортарий, Иван решил, что Оксана обязательно должна родить! Никаких абортон он никогда не допустит! Тошнотворнее и ужаснее процедуры он представить себе не мог.

Особенно его поразили женщины, идущие на аборт. Как те, что впервые, так и опытные. Что ему в них показалось самым ужасным? Взгляд и поведение. Он видел и понимал, что они сами себя словно приговорили к вечному искуплению. Спокойны они были или взволнованы, это не меняло главного – слово «виновна» будто отпечаталось на их лицах.

И опять Иван решил, что это он виноват. И в беременности Оксаны и в том, что эти женщины пришли сюда и сидят, теребя в руках пеленки, переживают и облизывают сухие губы. Он очень крепко запомнил эти взгляды обреченности и жажду. Ощущение вины не отпускало. Хотелось ему просить прощения за всех. Хотя умом понимал, что лично он не виноват, и в тоже время виноват, как представитель всего мужского сословия, мужчин, которым не хватило ума, выдержки, такта и ответственности чтобы не подставлять любимых женщин.

От хруста, издаваемого кюреткой, выскребавшей полость матки, у него поднималось тошнотная волна, как и от вида частей тела когда-то живого человечка, извлеченных из банки отсоса, куда с хлопаньем вылетали оторванные фрагменты. Преподавателя гинекологии, которая спокойно показывала девушкам – «вот, смотрите, что осталось от эмбриона! А это могло бы стать человеком», Иван возненавидел.

Чтобы сделать официальное предложение невесте он надел выпускной школьный костюм, потому что лучшего на тот момент у него не было. Причесался, купил два букета: розы теще, белые лилии Оксане, торт «Киевский» и, приехал к Пасюк-Пивторацким, как кузнец Вакула к Чубу. «Батя, отдай за меня Оксану!»

В отличие от гоголевской эта Оксана условий ставить не пыталась, а с радостью согласилась выйти замуж. Потом молодые съездили к родителям Ивана. Вся жизнь казалась простой и очевидной.

Встреча сватъев прошла особенно радушно и тепло. Посидели, выпили, закусили и благословили молодых на брак. Отец с мамой пели: «Комсомольцы-добровольцы», и «Бригантина поднимает паруса», а тесть с тещей: «Ночь яка мисячна» и «Тыж мене пидманула». Такая вот дружба народов.

В декабре расписались, сыграли не шумную Московскую свадьбу, ибо в магазинах было шаром покати и водка по талонам. Только под свадьбу по справке из ЗАГСа удалось кое—что раздобыть, а отцу по линии месткома принесли большой заказ с икрой, коньяком, сервелатом, да тестю родственники подвезли сала свежего, самогонки в канистре, жареной домашней колбасы с чесноком и несколько килограммов копченой деревенской ветчины. С картошкой же проблем не было, отец по дороге на дачу всегда покупал ведрами у дороги.

Иван не искал ничьей вины, в том, что учеба в институте опять откладывалась как минимум еще на год или два. Если кого и винить, так только себя. Так уж опять сложились обстоятельства. Оксана ему нравилась, он даже считал, что любит ее, принимая врожденную ответственность и симпатию за любовь. В его отношении к Оксане не было страсти или привязанности, вряд ли, что он согласился бы ради жизни с ней чем-то пожертвовать, только подчиняясь влечению или капризу. Нет, он просто ответственный и серьезный человек. А еще он не мог пойти на предательство. Отказ от Оксаны он считал предательством. Он привык, чтобы ему верили, потому что сам верил людям, которые ему симпатичны.

Судьба на этом не успокоилась. Оставив Ивана женатым в ожидании ребенка, она уже давно взялась за Иванова отца и теперь добивала его. Сперва она явилась в стране в виде генерального секретаря КПСС Михаила Горбачева. Который, как говорил отец, на деле оказался трусливым дураком-подкаблучником, трепачом и привел коммунистическую партию к развалу и огромную страну к кризису.

Отец ходил по комнате с томиком Пушкина и цитировал:

– Властитель слабый и лукавый, плешивый щеголь, враг труда, нечаянно пригретый слабой, над нами властвовал тогда! Мать! Это же о Горбачеве! Пушкин точно знал! Гениальный поэт и пророк.

Но ему было совсем не весело.

Второй удар по сердцу отца состоялся в виде появления в Москве первого секретаря МГК [6] КПСС Бориса Ельцина, который начал в политической борьбе активно «тянуть одеяло на себя» и зарабатывать очки популярности у народа, добившись, в конце концов, того, что его выгнали из коммунистической партии, зато потом, после череды инсценировок покушений, с большим трудом избрали сперва депутатом в Верховный совет, а потом и на пост президента РСФСР.

– Да какой он президент?! – кричал отец, – резидент он, а не президент!

Третий удар – ГКЧП [7] с девятнадцатого по двадцать второе августа девяносто первого года, и, наконец, «контрольный выстрел в голову», Беловежское соглашение [8] через неделю после свадьбы Ивана и Оксаны.

Иван впервые видел, как отец плакал, когда объявили о подписании соглашения.

СССР как величайшее государство мира прекратил свое существование. О чем первым делом и доложил президент России Борис Ельцин президенту США Джорджу Бушу [9]. Вроде как «Ваше задание выполнено, господин президент, агент Ельцин стрельбу закончил!». Процесс развала страны, начатый М. С. Горбачевым, Б. Н. Ельцин довел до завершения.

Он добился того, о чем мечтал – полной власти в государстве, устранив конкурента в лице Горбачева, метившего на должность президента «содружества союзных республик», как могла бы называться страна, и предоставив своей семье и всем ее друзьям беззастенчиво разворовывать Россию, окончательно рушить ее экономику, превращая некогда могучее государство в «страну—бензоколонку», энергетический и сырьевой придаток Америки и Европы.

Державшийся из последних сил коммунист – отец этого вынести уже не смог и начал пить. Он еще работал на оборонном заводе главным инженером. И только. Вечера же он коротал со стаканом.

С прихватизацией [10] оборонного завода к счастью у директора и главбуха не вышло ничего. Нашлись какие-то могучие силы, вставшие на их пути. Но без больших заказов

от министерства обороны предприятие разваливалось на глазах, хотя и пытались выживать, как могло с помощью конверсии.

В цехах, вместо блоков управления для ракет малой дальности и самонаводящихся головок, теперь собирали охранные системы для коттеджей новых русских буржуев, игровые приставки по японской лицензии, оборудование для дискотек и казино, а в полимерном цеху печатали разовые шприцы и отливали изделия для сексуальных игр из специальной секретной резины, которая не замерзает в космосе. Видимо, этот факт был особенно важен для буржуйских любовниц и прочих извращенцев.

Отец во хмелю ругался: «Резиновыми херами теперь будем сбивать вражеские ракеты!», и спалил бы все свои патенты и авторские свидетельства, но мать с Иваном не позволили.

Месяц назад Тупицын старший умер во сне. Как диагностировал врач «скорой» и подтвердил на вскрытии медэксперт – острая сердечная недостаточность на фоне алкогольного отравления.

В наследство матери и Ивану достались: тридцать не оформленных ваучеров, трехкомнатная кооперативная квартира, дача под Фирсановкой на двенадцати сотках на границе леса и небольшой запас наличной валюты «на черный день», который удалось собрать всей семьей, несмотря на ограбление населения денежными реформами.

А еще Ивану досталась машина «Жигули» четвертой модели не старая и не ржавая. Теперь он подрабатывал извозом или «бомбил», как говорили таксисты еще в советские годы, когда работали не в кассу, а себе в карман. На «скорой» зарплата, как у любого молодого специалиста невелика, а Иван отработал всего лишь год. Брать деньги у родителей не позволяла гордость и честь. Для Ивана эти слова никогда не были пустыми. Он поехал просить помощи у родственника Пасюк-Пивторацкого, умом понимая – надо! Больше никто не поможет. Тот ведь не уставал повторять: «Я теперь тебе вместо батьки, Иванко, ты меня держись»!

После разговора с тестем совершенно одуревший Иван вернулся домой. Мама приготовила ужин, но незачем. Просто она не знала, куда Иван ездил. Чмокнув ее в щеку, сын упал в кровать. Последней его мыслью, прежде чем отключиться была: «Я завтра стану милиционером. Охренеть!».

Глава вторая

в которой Иван приезжает устраиваться в милицию, но все происходит совсем не так, а потом Ивана обвиняют в краже...

Когда Иван прибыл к тестю на службу, в кабинете у окна стоял незнакомый человек в штатском. Майское солнце засвечивало ему в спину, и лица Иван не видел, только черную высокую фигуру и солнечный нимб непонятно какого цвета волос вокруг головы.

Тесть поднялся из-за стола, поприветствовал зятя, пожав руку, и представил:

– Знакомьтесь. Иван – мой зять, а это товарищ Моквичов – полковник из управления...

Полковник негромко кашлянул, и тесть оборвал себя на полуслове. Так что Иван не понял, о каком управлении идет речь.

Тесть смутился. Он что-то начал искать на столе, потом вдруг хлопнул Ивана по плечу и заторопился:

– Вот так, Иванко, вы тут погутарьте трохи, а я пойду... как вернусь, так все зробим.

Полковник не шелохнулся, и Иван по—прежнему не видел его лица.

Тесть удалился, и в кабинете повисла тишина.

Иван не помнил, поздоровался он, переступив порог кабинета или нет, поэтому решил поздороваться еще раз. Штатский полковник наклонил голову и скрипучим, каким-то наждачным голосом произнес:

– Доброе утро, Иван Витальевич. Присаживайтесь.

Иван подумал, зачем тут этот полковник? Просто поговорить о чем-то или перевербовать? Тестю, возможно, намекнули, что незачем наполнять свою контору родственниками, можно допустить, что Ивана предложили «купить», и тесть сторговался не без выгоды для себя. Очень хотелось догадаться заранее о том, что его ждет.

В милицеском мире Иван не разбирался абсолютно. Все его познания в уголовной работе ограничивались презумпцией невиновности и правом подозреваемого не свидетельствовать против себя. Зачем тестю могли предложить «продать» такую бестолочь, как Иван? Варианта два: первый – нужен не засвеченный человек и желательно свой, а второй – нужен медик. Первый вариант Иван отмел как совершенно глупый, если бы полковнику нужен был незнакомый, то вряд ли он согласился бы на персону без милицеского опыта. А значит, ему больше нужен медик. А какой Иван – медик? Со стажем в один год? Самоуверенности воз и маленькая телега, а знаний и опыта с гулькин нос. Значит, полковнику нужен не просто медик, а свой медик. Пусть и не очень опытный, но доверенный. Заинтересованный в службе, чтоб крепко сидел на крючке. А призыв в армию это еще тот крючок, не крючок, а крючище, якорь от линкора!

Полковник не спешил прерывать паузу. Он рассматривал Ивана, видимо сравнивал с фото в личном деле или тестировал, как физиономист. А может, просто использовал мудрость древнего востока: «пока слово не сказано, ты его хозяин, а как сказано – так стал его рабом».

Иван решил, что если начнет первым разговор, то неплохо бы произвести впечатление своим аналитическим умом. Но, уже открыв рот, вдруг вспомнил совет отца «на все случаи жизни»: чтобы ни происходило, никогда не выпендривайся, будь естественным, и люди к тебе потянутся.

– Не знаю, как к вам обращаться, товарищ полковник?

– А для чего? – спросил Москвичов и зачем-то посмотрел через окно во двор Управления. – Разве вам что-то от меня нужно?

Иван оценил чувство юмора. Или это такой психологический прием? Вероятно да. А зачем? Очевидно, что Москвичов тут не случайно оказался, что пришел именно из-за Ивана. А значит...

– Я полагаю, что нужно как раз вам, товарищ полковник, раз вы здесь и Степан Богданович оставил нас вдвоем, – спокойно произнес Иван, тоже отвернувшись от полковника, и принялся изучать плакат, на котором представлена полная разборка пистолета Макарова. – Я-то пришел к тестю, – Иван в последнее мгновение оборвал себя, не сообщив, зачем он пришел. Ведь полковник не спрашивал. Он и так видимо все знает. Потому добавил, – А вот вы, мне кажется, хотите поговорить со мной. Ведь так? Иначе, зачем бы тесть нас оставил наедине?

Полковник дернулся и принялся рассматривать Ивана, будто тот, возник перед ним из ниоткуда.

– Мне нравится разговаривать с умным человеком. – Все так же скрипуче произнес полковник. – Даже если у него фамилия – Тупицын.

– Это всего лишь фамилия, – ответил Иван. – За характеристику спасибо.

Он почему-то совсем не волновался. Перегорело за ночь. Вчера он, приехав от тестя, до глубокой ночи не мог уснуть. Сперва ему показалось, что он заснул, оказалось, что нет. Это было состояние похожее на транс, в котором переливались панические мысли одна другой сумбурнее: «Два года служить в милиции! Я же ни черта не знаю! Тесть обещал, что научит. Значит, все не так уж сложно. Ну не сложнее же медицины!? Ну, наверное, не сложнее. Освою. Должен освоить. Черт. Как же все это внезапно и неожиданно. Не люблю сюрпризы! А на что я рассчитывал? На то, что тесть, как маленького отведет в военкомат и попросит: «– Дяденька военком, не забирай Ваньку в армию, он муж моей Ксанки, и должен быть при ней!». Бред. Конечно, бред. А взять в опера милиции фельдшера скорой – не бред? Не знаю. Видимо, нет, раз тесть так уверен, что это можно и не слишком уж сложно...» Когда, наконец, уснул, Иван не заметил, но проснулся свежим и спокойным. И сейчас, сидя перед полковником, он тоже был спокоен.

– Я думаю, Иван Витальевич, что вы были бы неплохим космонавтом, если бы здоровье не подвело. И врач, возможно, тоже из вас будет очень хороший. Вы умеете думать, анализировать. Это редкое качество.

Полковник Москвичов, наконец, отошел от окна и сел напротив Ивана. Тот получил возможность изучить лицо нового знакомого.

– Так зачем я вам нужен, товарищ полковник? – Иван сдержал прерывающееся дыхание. Все—таки собеседнику удалось вызвать сумятицу в его голове, напомнив о старой еще детской мечте. А полковник, видимо заметив румянец на щеках собеседника, удовлетворенно, но совсем чуть—чуть, улыбнулся.

Облик Москвичова соответствовал и званию и месту службы. То есть, по внешности ясно было, что человек этот военный и облечен немалой властью. Видно также, что строгий стиль в виде черного костюма—двойки, остроносые до зеркального блеска начищенные черные полуботинки, идеальной белизны рубашка и неброский галстук с золотой заколкой ему также привычен, как и военная или милицмейская форма.

«Кэгэбэшник? Типичный! Пижон – про таких говорил отец.», – подумал Иван.

Полковник, словно почитав его мысли, представился:

– Я начальник шестого управления Московского уголовного розыска. Занимаюсь борьбой с организованной преступностью. Случайно узнал, что за вас управлении кадров ГУВД хлопотал ваш родственник – подполковник Пасюк-Пивторацкий. Чтобы у вас не возникло вопроса, как я узнал, что вы сегодня будете здесь.

Иван сглотнул, и прикинул в уме, что этот полковник занимает генеральскую должность. Но он совсем не похож на милиционера. Слишком интеллигентен. Хотя, много ли Ивану приходилось видеть высших милицмейских начальников кроме тестя? Ясности эта мысль не добавила, однако повысила самооценку. «Все—таки, зачем ему – такому важному начальнику понадобился такой салага, как я?» – подумал Иван. Спросить он не успел, потому что полковник продолжил: – Вам известны случаи нападения наркоманов на бригады скорой помощи?

Иван кивнул.

– Прошу отвечать: да или нет. – Приказал Москвичов, – вам это понятно?

– Да, – голос Ивана осип от волнения.

– Прекрасно. Итак, вы знаете, что участились случаи нападения на медиков с целью отбора имеющихся у них наркотиков?

– Да.

– Вам известна статистика за последние месяцы?

– Нет. Не точно, кажется, таких нападений больше десятка.

– Кто вам сообщил?

– Нам зачитали приказ главного врача, – послушно выложил Иван, – что случаи бывали, и при нападении с оружием и требовании отдать коробку с наркотиками, отдавать, не вступая в пререкания, затем сразу сообщить диспетчеру и оформить заявление в ближайшем отделении милиции.

– На вас нападали?

– Нет.

– Такие случаи бывали на вашей подстанции?

– При мне нет, до моего прихода чуть больше года назад был один эпизод.

– Медики физически пострадали?

– Насколько мне известно, нет. Напали на женщину—врача, она кинула коробку с ампулами в напавших бандитов и убежала.

– Вы с ней знакомы?

– Она уволилась в тот же месяц, когда я пришел работать. Случай обсуждался на подстанции. – Иван старался отвечать по—военному кратко и четко.

– Теперь к делу, – полковник чуть снизил голос, – тесть не говорил, сколько уже случаев нападений зафиксировано?

– Нет. Он вообще мне ничего такого не говорил. А я не спрашивал. Только из приказа по станции известно...

– По заявлениям – сорок три эпизода. Я полагаю, что бывали и другие. Это много, слишком. И есть странная закономерность. – Полковник встал и подошел к карте Москвы. – Если взять все районы по подстанциям, то случаи произошли практически на всех, кроме одной. И на некоторых по два или три раза. Очевидно, что наркоманы не хотят нападать, видимо, на своих. И эти свои работают именно на этой подстанции. Подозрительно?

Иван снова кивнул, но тут же исправился:

– Да.

Полковник несколько минут молча смотрел в лицо Ивану, словно не решаясь, продолжать разговор или нет?

– Вот что, Иван Витальевич, я планы ваши предлагаю изменить. – он подождал, пока Иван усвоит эту мысль, – вы переходите работать на эту подозрительную подстанцию и становитесь моими ушами и глазами, а я договариваюсь с военкоматом, что они о вас на годик или два забывают. А может быть и совсем. Как получится.

Иван чуть не выпалил «ДА!», но вовремя притормозил. Как это перейти на другую подстанцию? Тут он прижился—сдружился. Ребята уже свои в доску. Ну, может, не совсем еще свои, все—таки никто не стал с ним меняться дежурствами. Но он уже привык к людям и люди, кажется, привыкли к нему.

Полковник Москвичов заметил сомнение, отразившееся на лице Ивана.

– Есть проблема?

– Ну, я не знаю, – попытался объяснить свои мысли Иван. – Отсрочка от армии, конечно, нужна, а насчет перевода. Как вы это себе представляете? Работаю я нормально, замечаний нет, и вдруг раз – и перевелся? С чего вдруг?

Иван не то чтобы не хотел никуда переходить, он понимал, что полковник ясно дал понять: «мне нужны там глаза и уши». Значит, переводиться нужно, но под каким предлогом? Это действительно, задача непростая. В первую очередь тем, что на новом месте работы спросят – и не его, Ивана, а тех, от кого он ушел. И что скажут те? Мол ни с того ни с сего?! Это подозрительно.

Почувствовал ли полковник сомнения Ивана?

Иван понимал, что его сейчас вербовали как агента и поэтому молчал, лихорадочно обдумывая, что для него все—таки выгоднее, стать «органами чувств» полковника или перейти под крыло к тестю? Второй вариант представлялся более теплым, хотя и каким-то дебильным. Во—первых, потому что как опер, он не то что ноль, а ноль со знаком минус, а во—вторых, все в управлении будут знать, что этот «Ваня—дурачок» еще и от армии таким образом косит. Уважения среди «коллег» такое мнение не прибавит. Скорее наоборот. Нет, это стыдно. А сейчас, когда Москвичов намекнул, что можно реально послужить на благо Родине и при этом не менять род деятельности, стало особенно стыдно прятаться за могучей фигурой тестя.

С другой стороны, Москвичов должен понимать, что Ивану как агенту нужна легенда и простого каприза для перевода на другую подстанцию, в другой район Москвы, мало. Нужен более веский мотив. Иван обратился:

– Товарищ полковник. У меня два вопроса. Можно?

– Конечно. Спрашивайте.

– Первое, как вы отмотаете меня от военкомата? Я верю, что это может быть несложно, но интересно – как? И, второй, если вы меня вербуете как агента, при этом, я, кроме того, что меня призвали в армию, ничем больше вам не могу быть обязанным, а учитывая то обстоятельство, что тесть мой тоже может отмотать, то, как говорят в Одессе: «Шо мне с этого будет?». В смысле, какая выгода от службы именно на вас?

Полковник прищурился. Шкурный интерес Ивана был ему понятен, но он что-то еще почувствовал в вопросе. Неискренность Иванову? Надуманный интерес. Он хотел возразить что-то, но Иван дал понять, что не закончил речь:

– Только, пожалуйста, не надо взывать к моему патриотизму и чувству долга. Да, я был и пионером и комсомольцем и отлично понимаю, как важна борьба с организованной преступностью, но все—таки наркоманы никого ведь не убили, только коробки с наркотиками отбирают. Ну, рано или поздно вы их и без меня поймаете. Так ведь? И кстати, разве пара или даже тройка наркоманов это банда, мафия? Или я чего-то не понимаю? Тесть говорил, что наркоманами занимается... – Иван припомнил, – Антидурь [11]!

Москвичов вернул лицу холодную бесстрастность и ответил:

– Вербовать уже нет необходимости. Вы внутренне согласны, Иван. Однако, по порядку. Во—первых, несколько человек в первых эпизодах пострадали от ножевых ран, а один доктор погиб, а во—вторых, этих отмороженных, вероятно, больше чем двое или трое, но мы не знаем точно сколько. Так что все эпизоды квалифицируются как разбой с целью отъема наркотиков. Но все—таки разбой. Раз случаи систематические, значит преступность организованная и «Антидурь» – этим делом занимается постольку—поскольку, их задача доказать либо причастность самих медиков к факту утраты наркотиков либо непричастность. А вот искать злодеев должны мы – МУР. Сейчас фотороботы есть только на двоих бандитов, но судя по последним эпизодам, они стали нападать в сумерках и лыжных шапках, закрывающих лица. – Он положил перед Иваном два больших листа с фотороботами преступников.

Тот рассмотрел картинки.

– Запомни их, обрати внимание на детали. Форму лица, носа, глубину посадки глаз и морщины. Все свидетели давали свои описания, потом на ЭВМ мы создали математическую модель этих лиц. Если увидишь этих людей на улице, даже заподозришь, сообщи ближайшему сотруд-

нику милиции. Сам не лезь. Они вооружены наверняка ножами, заточками, а могут и огнестрельным оружием.

Во—вторых, я ведь не вслепую обратился, а навел кое—какие справки и ознакомился с личным делом пионера и комсомольца Тупицына, которому не может быть безразлична ситуация в Москве с разгулом преступности и в частности в отношении его коллег. Ведь так?

Иван, забывшись снова кивнул, внимательно рассматривая рисунки. Лица напоминали фотографии, но было в них что-то искусственное. И что его удивило, они совсем не походили на привычные «карандашные» рисунки со стендов «Их разыскивает милиция».

– Необычные фотороботы, – произнес он, возвращая листы и увидел, что ни под рисунками, ни на обороте не описаны характеристики преступников, рост, возраст, особые приметы в виде родинок, шрамов и татуировок. Ничего детального вообще.

– Молодец, обратил внимание. Это новейшая методика. Разработка НИИ криминалистики. Такие картинки позволяют легче опознать человека. К сожалению, кроме лиц и роста этих ублюдков ничего нет, – полковник убрал рисунки и продолжил: – Но это еще не все. На той подстанции происходит еще что-то, что без медицинского образования, например мне, понять невозможно. И нужен для этого хотя бы фельдшер.

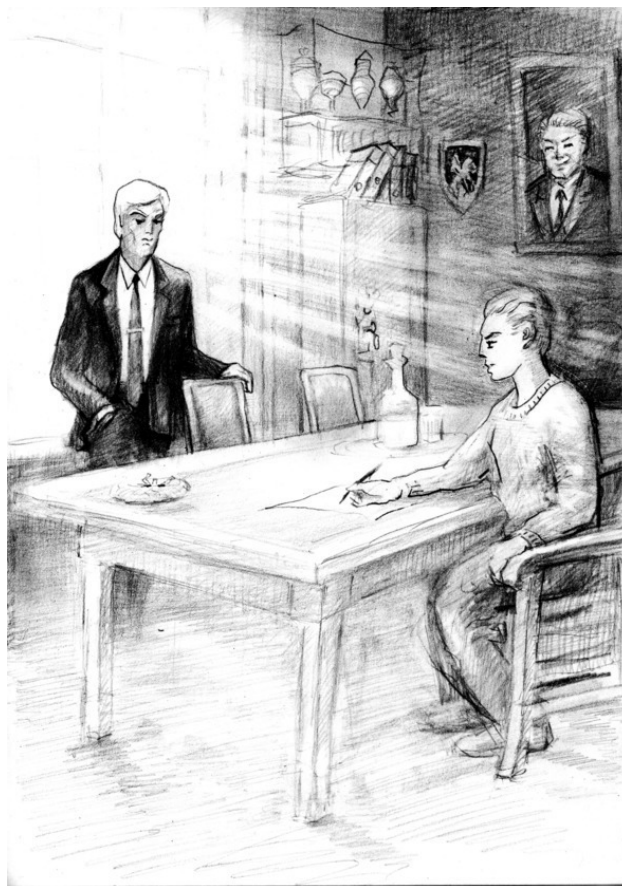
– Что происходит? – удивился Иван.

– Непосредственно в районе обслуживания зафиксированы две смерти мужчин, страдавших алкоголизмом. «Скорую» они не вызывали, но у всех на руке замечен след от шприца, примерно двух—трехдневной давности. Зацепок никаких. Яда в крови тоже не обнаружено. Смерть, по заключению экспертов, от остановки сердца и кроме легкого опьянения – ничего. Все они выпили не больше стакана водки. Замечу, не паленой водки. Но умерли. Если бы не эти уколы, мы могли бы списать на смерть от естественных причин, а так, однозначно, криминал.

– Вы хотите, чтобы я выяснил, кто это мог колоть?

– Вот именно, не конкретно, но хотя бы намекнуть, вдруг кто-то проговорится? Очень важно понять – кто, зачем и что колот? Связан этот укол с гибелью людей или нет? Хотя, по стечению обстоятельств, очевидно, что связан.

– Ясно. – Иван принялся думать, кто и зачем мог колоть этих алкашей, и кроме выведения из запоя ничего умного в голову не лезло. А от капельниц с физиологическим раствором, глюкозой и аскорбинкой ну, может быть еще и панангина [12], смерть наступить не может. Тогда, что еще вводил неизвестный медик? Такое, что привело к смерти лишь через несколько дней? Два человека – это еще не закономерность, но уже и не случайность. С полковником не поспоришь.

Москвичов рассматривал задумавшегося Ивана.

– Хорошо, что ясно. Теперь бери лист бумаги и ручку. – он незаметно перешел на «ты», – пиши. Вот в правом верхнем углу шапку: «Военному комиссару города Москвы генералу—майору Янковскому Дмитрию Валентиновичу, можно инициалы – Дэ, Вэ. От призванного Тупицына Ивана Витальевича, укажи год рождения, адрес, потом паспорт, серия, номер, когда и кем выдан. Ниже. Заявление. Прошу вас предоставить мне отсрочку от призыва на воинскую службу с тысяча девятьсот девяносто третьего года, в связи с тем, что в настоящее время имею на иждивении неработающую жену в послеродовом отпуске, малолетнего ребенка, укажи год рождения, и мать (фамилия, инициалы и год рождения) – пенсионерку. Поставь дату и распишись.

Полковник дождался, пока Иван закончит писать, забрал лист, в свободном месте ниже заявления написал: «Ходатайствую об отсрочке, в связи с прикомандированием Тупицына И. В. к УВД г Москвы, для прохождения альтернативной воинской службы в рядах внутренних органов». Начальник 6—го УВД МУР полк. Москвичов А. В.

– Вот, Иван, этот документ мы подколем к нашему письму в горвоенкомат и передадим по своим каналам. С этим все ясно?

Иван настолько удивился легкости решения сложнейшей, как ему казалось задачи, что снова кивнул, но спохватился:

– Да.

– Отлично! – полковник положил еще один лист перед Иваном. – Теперь пиши снова. Тут все проще, на мое имя пиши. Начальнику шестого управления внутренних дел... Можно сократить, УВД номер 6 Московского уголовного розыска, полковнику Москвичеву А. В. От гражданина России, Тупицына И. В. паспорт, серия, номер, проживающего по адресу. Заявление. – Полковник следил, как старательно Иван выводит слова, заметил, –

хороший почерк, так, заявление. Прошу вас, зачислить меня на должность внештатного сотрудника с... ставь сегодняшнюю дату. Подпишись. Все. Лишней беллетристики не надо.

– А зачем это? – спросил Иван, закрывая ручку.

– А затем, – ответил полковник, – что на основании этого заявления, я получаю право и обязанность тратить государственные средства, для организации твоего прикрытия. И важно, чтобы ты понимал, работа твоя, как агента требует материальных затрат, ведь для тебя нужно подготовить легенду, жилье, регулярно поддерживать финансово, а это все нужно проводить через бухгалтерию, без твоего заявления, и приказа по управлению сделать это невозможно. Теперь есть юридическое основание – ты внештатный сотрудник моей команды. – Полковник подписал заявление «В приказ по управлению». – Кстати, Иван, придумай любое слово существительное мужского рода, что в голову придет.

– Кислород, – выдал Иван первое, что действительно пришло в голову внезапно.

– Да? – удивился полковник, – Любопытно.

Он надписал на уголке заявления Ивана «Кислород» и добавил еще одно слово «агент». – Это будет твой позывной. Если нужно будет передать что-то важное и срочное, набираешь ноль девять – городское справочное бюро и произносишь «Абонент Кислород. Нужен адрес» и назовешь любую фамилию, имя отчество, тебе в ответ назовут адрес и время. Если назовешь мужчине – адрес, если женщину – дадут телефон для связи. Как видишь, все очень просто. Постарайся с десяти до одиннадцати вечера оставлять рапорт: «Абонент Кислород. Для вас ничего не видел». Это будет означать, что у тебя все нормально. Если не позвонишь несколько раз подряд, тебя найдет мой человек и скажет: «В какой аптеке можно купить Кислород?». Ответишь: «В Москве аптек много, все можно купить». В случае слишком долгого отсутствия рапорта «для вас ничего не видел», автоматически включается поиск агента, а это огромные затраты и риск, которые невозможно оправдать разгильдяйством. Поэтому пользуйся любой возможностью дать рапорт по «ноль девять», тогда мне будет ясно, что с тобой все в порядке. Если ты заранее знаешь, что возможности позвонить не будет, сообщишь после «Для вас ничего не видел», минус два или минус три. Это значит, что ты два или три дня на связь выходить не сможешь. На встречах будешь докладывать мне или человеку, пришедшему от меня, все, что сочтешь нужным. Через неделю, после начала работы на новом месте, мы встретимся, и ты мне все доложишь, даже если на первый взгляд, рассказать будет не о чем. Главное, ты поймешь, как нужно собирать информацию.

Полковник, приостановил инструктаж, он смотрел на Ивана, пока тот старался осмыслить изложенное Москвичовым. Когда решил, что тайм—аут можно закончить, продолжил:

– Квартира, где будешь жить, расположена в том самом районе, где и подстанция, недалеко, но пешком идти долго. На перевод даю тебе, – полковник перелистнул календарь на столе тестя, – два дня. Ключи и адрес найдешь в своем почтовом ящике. Матери что скажешь?

Иван пожал плечами.

– Я не знаю. А что ей сказать? Может, объяснить все, как есть?

– Нет, Иван. Никто не должен знать, чем ты занимаешься. Этот секрет самый секретный. Твоя жизнь может зависеть от его сохранности. О том, что ты агент, не должен знать никто из родных и друзей. Вот даже тестю своему, подполковнику милиции, не трепи лишнего. Да, если он сейчас спросит, о чем мы говорили, скажешь, мол, у вас на подстанции случаи пропажи наркотиков были, и я выяснял у тебя, как у бывшего комсомольца и своего человека, кто из твоих коллег может воровать. Ясно? О том, что у тебя задание – никому ни слова. Насчет армии, тестю скажи, что я тебе объяснил – военкомат обязан дать отсрочку, как единственному кормильцу в семье после смерти отца. И ты сейчас, вроде как, отсюда прямым ходом едешь в военкомат, оформлять эту самую отсрочку. Понял?

– Да. Так маме-то как объяснить? Почему я вдруг переехал?

– А ты и не переезжай открыто. У матери бывай почаще. Так, чтобы она не спрашивала, где ты и куда делись. Ну, можешь сказать, что на курсы ходишь какие-нибудь. В общем, прояви фантазию. А на квартиру приходи после дежурства, машину там поставь под окном, чтобы твои сослуживцы знали, что ты там вроде как живешь, можешь отсыпаться после ночи. Квартира эта – твое прикрытие и мотив для перехода на новую подстанцию. Когда будешь разговаривать с заведующим о переводе, так и скажи: мол, переехал жить в ваш район, вот и переводись. Так будет достоверно?

– Конечно.

– И еще вот что, извозом больше не занимайся. То есть, для матери ты можешь как бы «бомбить», но реально – прекрати. Это приказ! Деньги у тебя будут. Достаточно, чтобы не нуждаться.

Иван смотрел, как Москвичов прячет заявления в обычный портфель, в уме перебрал весь разговор и поручения еще раз. Вышло, что за полчаса Ивана завербовали в секретные агенты милиции, он продолжает работать фельдшером и не идет в армию. Вроде бы все хорошо. Иван примерил ситуацию на своего любимого героя Олега Кошевого, и при этом, как бы он оценил все происшедшее, если бы ему поступило такое вот предложение? По всему выходило, что комсомолец и молодогвардеец Кошевой с радостью согласился бы на подобную работу. Патриотично, нужно и совсем немного опасно. Все-таки что-то подсознательно тревожило. Страх не было, скорее волнение.

Он поднялся.

– Товарищ полковник, я могу идти?

– Нет! – Довольно резко ответил Москвичов. – Пока вы, агент Тупицын идти никуда не можете.

– Почему? – Иван совсем забыл, что он пришел совсем не к полковнику, а к тестю, и тот скоро вернется.

– Потому что сейчас вы еще раз кратко изложите мне суть задания по пунктам, я должен убедиться, что вы все поняли верно. И дождетесь своего тестя, вы ведь к нему приехали? Вот и пообщайтесь. Итак, докладывайте!

Иван принялся загибать пальцы.

– Перевестись на подстанцию, выяснить, кто из сотрудников связан с наркоманами, нападавшими на врачей с целью похищения наркотиков? Разузнать еще, что можно по загадочным смертям мужчин. Быть вашими глазами и ушами на подстанции.

– Да. Именно так. Через неделю встретимся, доложишь об успехах и напишешь отчет. Вопросы есть?

– Пока нет.

Иван впервые увидел, как Москвичов улыбается.

Полковник посоветовал:

– Иван, хоть вы и не на военной службе, но приучайтесь отвечать точно и конкретно. Это пригодится вам. И не будет двусмысленности в разговоре с начальством. То есть со мной. Я сейчас уйду, а вы дождетесь тестя, скажете, что в вашем трудоустройстве нет необходимости, и так далее, не буду повторяться. Да, и еще совет: никогда ничего не записывайте, только запомняйте. Обязательно с привязкой ко времени и месту. Как можно точнее. Носите часы обычные, на руке. И тренируйте память. Важное качество разведчика и контрразведчика. Кстати, перечитайте «Щит и меч», изучайте эту книгу, там много дельных советов, по тому как себя вести агенту, и как правильно оценивать обстановку во вражеском окружении. И еще: ведите себя так, будто мы ни о чем с вами не говорили. Понятно?

– Да, – ответил Иван, – я все понял. «Птица Говорун отличается умом и сообразительностью».

– Что? – не понял Москвичов, – какая птица?

– Это шутка, товарищ полковник, цитата из мультфильма «Тайна третьей планеты». Кстати, мне всегда к вам обращаться только так? Или можно по имени—отчеству?

– А ты знаешь, как меня зовут?

– Не хочу угадывать. А, Вэ?

Москвичов еще раз улыбнулся. Одними губами. Глаза остались серые, колючие, очень внимательные.

– Артем Викторович. Через два дня жду сообщение по каналу ноль девять. Что скажешь?

– Абонент Кислород. Для вас ничего не видел.

– Молодец, «Птица Говорун»! – полковник на секунду замешкался, будто вспомнил что-то, – Вот еще что, на всякий случай запомни, что если «Кислород» фигурирует в личном деле как твой официальный позывной, «птица Говорун» будет нашим секретным паролем. Если придет человек от меня, он должен тебя не только спросить о «покупке кислорода в аптеке», но и обратиться к тебе с этим именем. Понял? Если не скажет, даже если он назовет твой позывной – этот человек не от меня. Но он или его куратор видели твоё личное дело и пытаются тебя использовать. Постарайся мне сообщить об этом контакте как можно скорее.

– А то что?

– Ничего, Иван, я должен знать, кто собирается воспользоваться моим секретным агентом. До связи со мной, постарайся с этим человеком особенно не откровенничать, и вообще лучше сделай вид, что ты его не понимаешь. НО слушай внимательно, что он тебе будет говорить. Он же не дурак, если почувствует сопротивление, будет стараться войти к тебе в доверие. При этом может проговориться или дать какой-то намек, откуда ему известен твой позывной. Мне тогда проще будет найти утечку. Помни, все личные дела секретные и абы кто к ним доступа не имеет. Так что если вдруг в поле зрения появится осведомленный, но чужой, будь внимателен и осторожен, но не бойся.

Иван промолчал, потому что от последних слов Москвичова его продрал мороз по спине, и он на секунду пожалел, что ввязался в эту, как ему теперь казалось, дикую авантюру.

Иван остался один.

Предстояло тестя убедить теперь, что его зятю уже нет необходимости становится опером.

Ждать почти не пришлось. Видимо, подполковник находился в дежурной части и увидел уходящего Москвичова, потому что в кабинете своем появился через пару минут.

– Га! – зашумел тесть. – Ты тут!? Ну, шо?

– Все нормально, – ответил Иван, – Он расспрашивал про сотрудников с подстанции, кто может воровать наркотики.

– А ты шо?

– А шо я? – удивился Иван, – Я шо – стукач? Никого не могу подозревать. Вот шобы явно кто-то воровал. А если тайно крадут, то кого подозревать? Мое дело маленькое, принял коробку, ампулы пересчитал, осмотрел и так же сдал. Полчаса мытарил меня. Спрашивал еще, зачем я к вам приехал. – Иван невольно шокал в ответ на шоканье тестя.

– А ты шо? – повторил тесть.

– А я так и сказал, вот повестка, хочу в милиции служить вместо армии.

– Прямо так и сказав? «Хочу в милиции»? Тю! – тесть пальцем выдавил скупую слезу.

– Ну да. Как вы предложили, опером.

– А вин шо?

– А шо... говорит, шо нет необходимости. Мол, служба и опасна и трудна, а главное, что на первый взгляд, как будто не видна. Ну, и главное, шо я один кормилец в семье, типа, и надо, говорит, съездить в военкомат и подать заявление об отсрочке. Мол, там не звери – поймут, простят и отпустят.

– Це добре. Но, может, ты мне все же напишешь заявление? – тесть явно расстроился, что Иван не хочет у него служить. – Под моим-то крылышком никакой опасности. Как у Христа за пазухой!

– Спасибо, Степан Богданович! Но я все—таки медик, а не мент, извините за жаргон. Людей хочу лечить.

– Ну, нехай, – смирился тесть. – А сейчас до военкома?

– Да, – Иван пошел к выходу. Он старался не думать об убедительности своих слов, тогда голос не дрогнет, – надо успеть заявление подать. Вот если его не примут, я вернусь к вам и буду проситься в опера.

Выезжая со стоянки возле РУВД, Иван мучительно думал, с чего начать перевод? Как говорить со своей заведующей. Ведь работать некому, сейчас каждый фельдшер важен. Люди бегут и со скорой и из медицины. Он предвидел очень трудный разговор.

Конечно, Иван слукавил, говоря тестю, что немедленно едет в военкомат, он почти сразу нашел пассажира, потом еще одного и только около трех часов дня появился дома с раздувшимся от купюр карманом. Такие деньги он называл «подкожными» и, не смущаясь, тратил на свои нужды. То для машины что-нибудь приобретет, то для себя или Оксане привезет цветов букетик. Пересчитав доход, Иван заскочил в универмаг и выбрал весьма неплохие стильные часы с автоподзащитой на браслете. О приказе Москвичова «не бомбить» он помнил, но решил, что тот как бы еще не вступил в действие, ведь на новую подстанцию он не перевелся. Значит пока еще подзаработать на машине не грех.

Стоило ему войти в квартиру, и начать переодеваться, как зазвонил телефон. Оказалось, что это заведующая подстанцией. От разговора Иван вспотел. Голос заведующей был сухим и тревожным.

– Иван, немедленно приезжайте на подстанцию.

– А что случилось? Я завтра дежурю.

– Это неважно. Приезжайте срочно, я жду.

– Вы можете объяснить сейчас? – Иван посмотрел на часы, четвертый час.

– Не могу, дело срочное. Пожалуйста, не задерживайтесь.

Дрожащими руками Иван снова натянул, сброшенные джинсы. Что же случилось? До сих пор заведующая с ним так жестко не говорила. Он накосячил на последнем дежурстве, а выяснилось только сейчас? Это может подождать до завтра. Тогда что?

Он долетел до подстанции и примчался в кабинет заведующей.

– Здравствуйте, Ольга Александровна, что случилось?

От дальнейшего разговора у Ивана чуть не помутился рассудок. Это было как бреду, в кошмарном сне. Он невнятно мычал, не имея возможности сказать хоть слово в свою защиту.

В кабинет к заведующей следом за ним зашли: старший фельдшер, аптекарь и диспетчер. Причем старший фельдшер стала спиной к двери, загородив ее и как бы демонстрируя, чтобы Иван вдруг не сбежал!

Это был какой-то «военно—полевой» суд или особый трибунал тридцатых годов – «тройка». Диспетчер доложила, что вчера она приняла у Ивана коробку с наркотиками, в которой вроде бы, на первый взгляд, все было нормально. Однако сегодня во время открытия бригады, врач, принявшая наркотики обратила внимание, что на ампуле с морфином размазана надпись. Осталось только «...ина гидрохлорид». Врач написала рапорт о выявленном нарушении. Было проведено внутреннее расследование. В ампуле не морфин, а какой-то другой препарат. Длина ампулы не соответствует эталону. То есть на лицо подмена и кража наркотика. После Ивана коробка была у фельдшера Романовой, которая никогда не берет ее с собой, а от страха прячет в одежном шкафчике и наркотиками на вызовах вообще не пользуется. Есть свидетели, которые видели, как она прятала коробку.

Заведующая при этих словах хмыкнула: «Дура, конечно, но алиби 100%».

У Ивана бешено колотилось сердце, он почти ничего не понимал. Он нормально отдежурил, наркотики да, возил с собой, коробку не ронял. Никому не колол. Ну да, он не обратил внимание на то, как выглядит надпись на ампуле. Пересчитал – пять, вроде все на месте. И сдал также. Диспетчер ведь приняла и никаких замечаний при этом не сделала.

Женщины не спрашивали, они методично подводили к выводу, что наркотик подменил Иван. Это звучало настолько дико, что Иван не находил слов для оправдания. Он постарался собраться с мыслями и хоть что-то сказать. Но ему не давали открыть рот. Слово взяла зав аптекой.

– Я могу точно сказать, что, когда Тупицын принимал бригаду, в коробке у него был морфин, потому что накануне утром я пополнила ее, выдав новую ампулу вместо использованной, и надпись там читалась полностью. Значит никто, кроме Ивана подменить ее не мог.

Слова били как кулаки боксера—тяжеловеса, под дых и в челюсть. В голове все звенело и превращалось в кашу. Летали обрывки слов. В какой-то момент у Ивана загло лицо, и слезы потекли сами собой. От этого ему стало особенно стыдно. За что они его? Он ничего не менял! Это нечестно!

Плачущий мужчина на женщин действует отрезвляюще. Они замолчали. Заведующая сделала знак и все, кроме нее, вышли.

– Москва слезам не верит, Иван. Доказать, что именно ты подменил морфин невозможно, раз диспетчер принял у тебя коробку, значит, она и должна отвечать. Но я им верю. А дело, в общем-то, подсудное.

– А мне вы не верите? – кое—как выдавил Иван.

– А тебе нет.

– И что теперь? Я ничего не крал! Честное слово.

– Это ты так говоришь. Теперь у тебя два пути. Или ты уходишь со скорой, или ищи другую подстанцию, где на твои фокусы с наркотиками будут смотреть сквозь пальцы. Мне от тебя ждать очередной свиньи нет никакого желания. Следить за тобой я тоже не хочу. Это унижительно для меня и моих сотрудников. Даю тебе два дня на поиск другого места работы. Ты знаешь, найти повод для увольнения по статье мне не трудно, но к таким мерам прибегать не хочу. Ты еще молодой, может быть, этот случай научит тебя быть серьезнее и отвечать за свои поступки. Бывает, разобьют ампулу – так и говорят честно, акт составили бы и всего проблем. А ты – подлогом занялся.

– Я ничего не подменял, – прошептал Иван и повторил, – Честное слово не было ничего. И коробку я не ронял.

– Меня это не интересует. – Жестко произнесла заведующая, – а словам я не верю уже давно. Только дураки верят «честному слову», нет сейчас ни у кого ни чести, ни совести. Иди. Вот бумага, пиши заявление. Завтра скажешь, куда переводишься.

– У меня сутки, – напомнил Иван.

– На завтра тебе нашли подмену. Занимайся переводом или поиском работы. И чтобы послезавтра твоего духу на подстанции не было!

До машины Иван дошел как в тумане. Он не отвечал на приветствия водителей и медиков. За сиденьем нашел початую бутылку с херши—колой, попил, успокоился. Первая мысль, посетившая мозг, кое—как вышедший из стояния шока, была:

«Ну вот, товарищ полковник, повод для перевода возник сам собой!»

– Первым делом завтра утром я поеду на ту подстанцию и договорюсь о переводе, – произнес Иван, чтобы убедиться, что голос уже не дрожит.

Когда он выехал за ворота и остановился у перекрестка, вторая мысль его окатила словно холодным душем: «Это же был спектакль! Какой я дурак! Но как они все это разыграли?! Я же поверил». Иван припарковался у тротуара и снова попил, чтобы успокоиться. «А раз я поверил, то любой поверит. Ай да полковник!».

Иван теперь был уверен, что вся эта сцена с обвинением была разыграна. И почти сразу уверенность сменилась на сомнения, чтобы все так мастерски сыграли? А он что, их там изучал? Да он в шоке был. Сейчас спроси его, кто, где стоял и что говорили, он и не вспомнит. Настолько был очумевший от обвинения. Вероятно, что спектакль разыграла заведующая. И не одна, но доказать сейчас невозможно, видимо с ней в постановке принимала участие старший фельдшер, а диспетчер и аптека просто старались снять с себя ответственность и невольно подыгрывали. Конечно, он невнимательно принимал наркотики, и не осматривал ампулы. Это точно. Он открывал коробку, чтобы пересчитать ампулы, но надписи не читал. На это и рассчитывали начальницы. Мало кто в точности соблюдает инструкцию, особенно, когда после отработанных десяти или пятнадцати вызовов дневного дежурства принимаешь имущество ночной бригады. Бывает, что коробку выдают вместе с вызовом, и кто когда смотрит наркоту? Суют ее в карман, только потом могут открыть и поинтересоваться. Наркоту пополняет сама аптека. Ночные сдают диспетчеру коробку с пустой ампулой и рецепт. Днем коробки лежат в сейфе в диспетчерской, и выдаются в шесть или семь вечера. Диспетчер наркотики не трогает. Он не имеет дела с больными...

Иван вспомнил, что диспетчер постоянно находится на подстанции, в сейфе полтора десятка коробок и в каждой пять ампул разных наркотиков. Наизусть: две промедола, и по одной морфин, фентанил, омнопон. Если к нему придут наркоманы и предложат продать, неужели сложно подменить? Сложно. Найти подходящую ампулу не так легко. Или препарат желтит или надпись, как ни затирай, а все не то, что нужно. Диспетчеру проще договориться с заведующей аптекой и занывать несколько пустых ампул во время списания по акту, ведь в комиссию для акта аптека зовет диспетчеров и начальство, но оно может не приходить, потом подписывает готовую бумагу и все. Но что эти пустые ампулы дадут диспетчеру? Препарат можно списать только на больного. А такого больного, после наркотика нужно всегда отвозить в больницу. Исключение – онкология. Онкологические больные на перечет. Но их знают все. Можно оформить вызов? Без проблем. И лучше всего делать это ночью. Но нужна бригада, на которую можно этот вызов оформить. И бригада не поедет, например, проспит на подстанции, а диспетчер даст карту медику на заполнение, спишется туда ампула наркоты... Нет, это большой риск. Если госнаркоконтроль проверит, липа легко вскроется. Нет, однозначно, что диспетчер не полезет в авантюру с наркотиками. Поэтому заведующая и утверждала: «Я им верю!». Мудрить намного проще на линейной бригаде. Но Иван таких случаев на подстанции действительно не знал и сам бы никогда не решился.

Возвращаясь домой, он снова поймал себя на мысли, что все происшедшее не случайно. Возникло твердое убеждение, будто события, в которые он вовлечен, расписаны каким-то неизвестным сценаристом, и Ивану тоже отведена роль. Еще не прошли негодование и обида за обвинение в краже морфина, но ощущение, будто все действующие лица не живут, а играют, окрепло.

«Жизнь – театр, а люди в ней актеры», это сказано Шекспиром. И за последние два дня Иван Тупицын осознал это как истину. Он вел машину, не обращая внимания на поднятые руки потенциальных клиентов. Вспомнился приказ Москвичова, да сейчас не до «бомбежки». Он слишком взволнован. Хочется поскорее вернуться домой, лечь на тахту и думать.

Дома он не мог лежать, и вообще не выходило ни на чем сосредоточиться. Иван ходил по комнате и чего-то ждал. Чего? Сформулировать не получалось. Всплывала сцена в кабинете заведующей и превращалась в плоскую абсурдную карикатуру, где самым стыдным были не обвинения в краже, тут стыдится нечего, а его слезы. Оказывается, он такой слабый? Или настолько неожиданными показались обвинения, что он повел себя как ребенок, мальчишка!? Надо что-то делать с головой. Правильно выразилась заведующая: «Москва слезам не верит». Мужик не должен так себя вести. А он мужик. Он секретный агент. Вот Кошевой или Штирлиц бы заплакали? Нет! Вот и он не должен. Всегда нужно искать логический выход. Даже

женщины спасуют перед логикой, если она будет обоснована. Хотя у них логика своя, и никаким привычным аргументам не подчинена.

Иван сел и представил себя Штирлицем на допросе у Мюллера. Чего не было на допросе у заведующей? Не было самого допроса, а было только обвинение. Причем, никто не ждал от Ивана оправданий или объяснений. Они собрались и вызвали его для одного – выставить с подстанции. И если бы это случилось вчера, не возникло бы ощущение инсценировки, намеренности. А сейчас – есть. За спиной этих агрессивных теток призраком вставала фигура полковника Москвичова.

Иван улыбнулся. Это бред. Он что, этот полковник – волшебник? Ему больше заняться нечем? Нет, нет и нет. Глупости. Иван, конечно, хоть и Тупицын, но не дурак. Он молодой специалист. Чего лукавить? Ему еще учиться и учиться! Зачем он может быть так нужен внутренним органам, чтобы ради него, устраивать такие сложные комбинации? Нет. Это все... как говорил отец, от завышенной самооценки и гордыни. Скромнее надо быть. Происшедшее, просто совпадение. Заведующая панически боится любых обвинений по поводу наркотиков. Это ее пунктик. И она без колебаний избавляется от любого, кого хоть на копейчку заподозрит в махинациях с наркотой. Вот и Иван попал в этот переплет. Его подставили? Зачем? У него появились враги? Вряд ли. Человек он мирный, покладистый. До сего дня заведующая и старший фельдшер были к нему очень благожелательны, а сейчас будто подменили их.

Ивана опять бросило в пот от воспоминаний того избиения, которое пришлось пережить час назад. «Надо приучить себя не паниковать в таких ситуациях. Это бой, это ринг, и надо быть готовым к бою!» – подумал Иван. – «Я теперь не имею права на слабость и на глупость», – эта мысль ему особенно понравилась. Право на глупость. Звучит абсурдно, но ведь до сих пор он считал, ну, или ему казалось так, что глупость не наказуема. Глупость не подлость. А теперь нет, за глупость придется расплачиваться. Что происходит? И посоветоваться не с кем. Теперь единственный советчик только он сам и его книги. Он принялся рыться в большой библиотеке, оставшейся от отца, в поисках романа «Щит и меч».

Иван выкладывал тома на пол. Среди книг и брошюр с профилем Ленина на обложке и названиями, звучащими как лозунги, он увидел несколько более цивилизованных мягких книжек автора Анатолия Добровича. «Глаза в глаза», «Общение, наука и искусство», «Фонарь Диогена».

Иван не заметил, когда пришла с работы мама. Он читал, сидя на полу, среди кучи вываленных из шкафа книг. На ее приветствие промычал что-то невнятное, но мама не обиделась. Она удалилась на кухню и через полчаса вернулась к увлеченному чтением сыну.

– Пойдем, поужинаем, чайку попьем!

– Ма, привет. – Оторвался от книги Иван, – А ты не знаешь, где стоит «Щит и меч»?

– Знаю, конечно, – улыбнулась мама. – Это любимая книга отца. Поэтому она стоит рядом с его столом. – Она выдернула из зажатых на полке книг двухтомник Вадима Кожевникова. – Разве ты не читал?

Иван отложил «Глаза в глаза» и принялся запихивать вываленные книги обратно в шкаф.

– Читал, но давно. Хочу перечитать.

– Пойдем. Попьешь чаю со мной?

За чаем Иван рассказал о повестке, потом о предложении тестя, потом о поездке в военкомат, но так как про военкомат пришлось сочинять, боясь, что мать почувствует ложь, очень коротко поведал, без подробностей. Мол, дал заявление, военком пообещал отсрочку. Мама слушала, не перебивая.

– Об Оксане есть новости? – спросила мама. – Я волнуюсь, как они доехали? В вагонах сквозняки такие.

– Она должна позвонить или мне или родителям. Но Степан Богданович ничего еще не сообщал. Они только сегодня должны прибыть во Львов. Завтра, наверное, с вокзала из Черновцов позвонит. Тесть сказал, что их там встретят его родственники.

– Ты на «сорок дней» не работаешь?

– Пока не знаю, – пожал плечами Иван. – Я перехожу на другую подстанцию, и нового графика не знаю. Думаю, что не работаю. Не волнуйся, ма. Все нормально.

– А почему переходишь?

– С начальством не нашел общего языка. – Иван постарался интонацией показать, что ему этот разговор неприятен и он не хочет его продолжать. – Завтра поеду договариваться о переводе. Ма, а сорок дней – это обязательно? Отец ведь был атеист.

– Атеист, – эхом отозвалась мама, – но крещеный. Ты не знал, но его в младенчестве бабки в церкви окрестили? Ему еще годика не было. Ничего, все мы создания Божьи, и верующие и атеисты.

– Ма, а ты верующая? – спросил Иван, хотя знал, что последний год мать каждое воскресенье ходит в церковь. Все—таки ходить в церковь и верить по настоящему, это не одно и то же.

Мама, убирая посуду со стола, на мгновение замерла.

– А сейчас только Богу и можно верить. Больше никому.

– Ты не ответила, – настаивал Иван. – Ты в Бога веришь?

– Верю. – Подтвердила мама и добавила, – Только в Него и только Ему. Люди стали другие. Мне с ними сейчас очень трудно. Все какие-то вздернутые, алчные... не люди, а бесы. А без Веры жить нельзя.

– А я вот не верю в Бога. – Рассеянно произнес Иван. – Раньше верил в коммунизм, в будущее, в людей верил. Теперь не знаю. Как жить?

– По совести, – ответила мама. – Если не знаешь, что делать, из всех возможных решений выбирай самое доброе.

– Это ты здорово сказала.

– Это не я, это братья Стругацкие. Только я уже не помню, в какой книге.

После ужина исполнилась мечта Ивана: он все—таки завалился на тахту с книгой «Щит и меч» и, зачитавшись, забыл совет Москвичова изучать эту книгу.

Глава третья

в которой Ивану нравится на новом месте работы, а полковник Москвичов его разочаровывает.

Новая подстанция расположилась в старинном, еще дореволюционном трехэтажном особнячке с огромным количеством комнаток, чуланчиков, коридоров и коридорчиков. На второй этаж от главного «барского» подъезда вела красивая лестница с чугунными кружевными перилами, а на третий, под самую крышу, можно было зайти с двух крыльев по узеньким скрипучим лестницам. Все комнаты под крышей имели круглые окна, которые открывались, поворачиваясь на срединной оси, разделяя оконный проем на две половины. От этого здания веяло историей веков. Тут даже пыль была антикварная.

По сравнению с прежней, эта подстанция казалась намного уютнее. Проходя скрипучим полутемным коридором к кабинету заведующего, Иван подумал, что тут могут и привидения жить. Такой древностью пахло от стен.

Разговор прошел быстро. Заведующий без особого интереса посмотрел на Ивана, буркнул в ответ на приветствие:

– Здравствуй. Чем обязан?

– Я фельдшер, – объяснил Иван, – переехал в этот район, вот хочу перевестись на вашу подстанцию. Возьмете?

– Спать любишь?

– Люблю, – честно ответил Иван. – Туда не наедится. А у вас тут десять минут на машине.

– Во дворе мест для машин сотрудников нет, – жестко сообщил заведующий, – рафы ставить некуда. Если найдешь, где оставлять машину в соседних дворах, езд. Но на площадку не суйся. Пиши заявление о переводе, я подпишу, и дуй в кадры. Когда готов выйти?

Иван сдержал улыбку.

– Завтра отцу сорок дней, если можно поставьте с послезавтра. Или позже.

– Иди, – сказал заведующий, – я фамилию записал, старшему фельдшеру передам, выходи послезавтра, поставим в бригаду. Пару дежурств поработаешь с врачами, а там посмотрим.

Ивану заведующий понравился. Мрачный, немногословный. В отличие от прежней заведующей, больше похожей на озабоченную наседку, которая кудахта по делу и без, этот напоминал седого волка – Акелу из мультфильма про Маугли.

До первого дежурства дни незаметно пролетели. На сороковины съездили с мамой на могилу отца. Приходили друзья и родственники, тесть с тещей тоже были. Помянули коротко и разъехались.

Иван на новой работе познакомился с двумя врачами, четырьмя водителями и тремя фельдшерами, с которыми вместе посидели на кухне – попили чаю и немного перекусили. Общая атмосфера на подстанции Ивану понравилась. Не было той нервозности, что теперь контрастом ощущалась на прежней. Здесь все какие-то спокойные, даже расслабленные. Видимо сказывался тот факт, что заведующий – мужчина, и старший врач и фельдшер тоже мужчины. Атмосфера в организации сильно зависит от руководства.

Заведующего звали Юрий Александрович Никитин. Был он немолод, сухощав, сед и немногословен. Доктор Сидорчук, с которым Ивану довелось ездить на одной бригаде в первые сутки, намекнул, что ЮАН, как называли за глаза сотрудники заведующего, может и в репу дать, если без свидетелей. И с нерадивыми медиками заведующий расстается легко. Так ЮАН в одночасье вышвырнул с подстанции фельдшеров Гопмана, Гакова и Ревича, которые «кидали ложняки» и гоняли в отведенное на них время по своим делам. Причем вышвырнул физиче-

ски, сперва одного, отправил пендалем в сугроб, потом и второму поставил бланш под глазом, прежде чем тот сам убежал. Любил ЮАН покататься на вызовы по выходным и праздникам с каким-нибудь фельдшером. Любимчиков, говорят у него не было, скорее наоборот, выбирал салагу и заставлял смотреть больных, писать карты. Учил мало, скорее подвергал суточному экзамену. И, если салага экзамен сдавал – отпускал в свободное «одиночное плавание» по вызовам.

После доктора Сидорчука Ивану дали врача Оболенского. Так что следующие сутки Иван откатал с типичным сибаритом. Михаил Глебович Оболенский вальяжен и нетороплив, в руках ничего тяжелее фонендоскопа и авторучки не носит, говорит медленно, смачно, молодым женщинам любит слушать сердце и легкие, прижимаясь волосатым ухом к спине или груди, а пожилых поручает обследовать фельдшеру. На вызове любит пить чай, рассуждать о загнивающей российской медицине и сожалеет о распаде СССР, хотя с интересом смотрит в будущее и надеется, что среди повального воровства, блеснет заря лучшей жизни и достатка. «Ну, ведь когда-нибудь они, наконец, нажрут, нахапаются?!», кого Оболенский имел виду под «они», было понятно – нарождающийся класс российских буржуев—олигархов.

Иван, хоть и не согласен был с этим выводом, решил не спорить со старым доктором. Он верил отцу, который, не уставал повторять, что жадность капитала не знает пределов, и если бы вдруг нашелся покупатель на Вселенную, олигархи продали бы и ее, как нашелся «умник», который начал торговать участками на Луне.

Оба врача Ивану понравились. Работать с ними было весело и легко. Они не расспрашивали о прежнем месте работы и о причине перехода. Иван ждал таких расспросов, но постепенно сложилось ощущение, что эта тема вообще никого не интересовала. Молодые женщины врачи и фельдшера обращали внимание только на обручальное кольцо у Ивана и тоже без расспросов. Вроде бы все понятно и так.

Он не забывал оставлять сообщение: «Для вас ничего не видел», отчасти еще и потому, что действительно ничего такого, что могло как-то навести его на тему задания, не видел и не слышал. Обычно удавалось позвонить прямо с вызова, отправив доктора в машину.

– Идите, я отзвонюсь, – говорил Иван, а дождавшись, когда скрипнет или хлопнет дверь лифта, или шаги затихнут на лестнице, он набирал ноль—девять. Все задание Москвичова виделось теперь не более чем забавной шпионской игрой. Но при последнем звонке на справочный телефон, хоть и произнес стандартную фразу, ему зачитали текст: «Скатертный переулок, семь, завтра, девятнадцать тридцать. Панчо Вилла».

В кафе—пиццерии Ивана ждал Москвичов.

Стараясь не показать удивления от вызова в конце первой же недели работы на подозрительной подстанции, Иван сел напротив полковника, поздоровался и ждал вопросов или объяснений.

В пиццерии было довольно многолюдно и шумно, но Иван заметил, что полковник выбрал столик за большой колонной, так что ни от входа, ни с улицы, сидящих за ней людей не было видно. И разговаривать можно, несмотря на постоянную латиноамериканскую музыку, не повышая голоса.

– Если хочешь есть, закажи что-нибудь, если нет, то хотя бы напитки. Так мы не будем выглядеть белыми воронами. – Москвичов уже заказал себе коктейль с какими-то сочными зелеными листьями в большом бокале.

Иван привычно кивнул, подозревая официанта, заказал большую кружку кофе и пирожное. Он не торопил полковника, искренно не понимая, что тот может ждать.

Москвичов держал паузу недолго.

– Ну, доложи, как приступил к заданию?

– Первую задачу выполнил, – отрапортовал Иван, – проблем не возникло.

– Так таки и не возникло? – прищурился Москвичов. – И ушел без проблем?

– Совсем без проблем, даже как бы со свистом, – усмехнулся Иван, – заведующая почему-то решила, что я подменил ампулу морфина. Я... – Иван хотел сказать, что он подумал даже, будто всю эту ситуацию придумал Москвичов, но вовремя себя одернул.

– Что, ты? – полковник отпил коктейль.

– Нет, ничего, так, я ничего не подменял, и если бы не было необходимости перевестись, я был бы в шоке. А так, возникло ощущение, будто все неслучайно.

– И ты решил, что это я тебе «помог»?

– Да, была такая мысль, – признал Иван. – Но, потом я решил, что вы не настолько всемогущи, чтобы принудить людей разыграть такой спектакль. Или я не прав?

Москвичов молчал. Он ждал, пока официант поставит перед Иваном заказанный кофе.

– Нет, Иван. Я не вмешивался в процесс перевода. Ты должен понимать, что подобное вмешательство с моей стороны это угроза твоего раскрытия, как агента. Я никогда не пойду на подобные меры. Все происшедшее – лишь стечение обстоятельств. Твое персональное везение.

– Артем Викторович, я бы не сказал, что оно счастливое, если бы не было так нужно срочно переводиться. Представьте, как бы я отреагировал, случись такое просто без предпосылок? Это стресс, однозначно.

Иван вспомнил свою позорную реакцию в кабинете заведующей, и видимо, что-то такое отразилось на его лице, потому что полковник одобрительно произнес:

– Но ты его хорошо перенес. Дай бог, чтобы на этом полоса твоего везения не закончилась. Теперь расскажи мне.

– Что рассказать? – не понял Иван.

– Неужели, нечего?

– Я не знаю. Со мной никто ни о чем таком не говорил.

– И не будут говорить, во всяком случае, сейчас. Тебя проверят и перепроверят, прежде чем что-нибудь объяснят или предложат. Расскажи мне о впечатлении, которое произвели на тебя люди. Попробуй дать им характеристику. Свое впечатление.

– Мне понравилась общая атмосфера на подстанции. – начал Иван. – Я двое суток работал с врачами, они очень спокойные.

– Мужчины? – уточнил Москвичов.

– Да.

– А кого на подстанции вообще больше, мужчин или женщин?

Иван поперхнулся кофе.

– Я не знаю. Не считал.

– А почему? Разве список сотрудников недоступен?

– На стенке висит, график.

– Ну, и что тебе мешало поинтересоваться? Это важная характеристика. А ты можешь уже составить некоторую картину? Средний возраст, отношение врачей и фельдшеров, мужчин и женщин? – полковник не ждал ответа, он знал, что на эти вопросы Иван ответит отрицательно, – Я тебе скажу: мужчин на подстанции шестьдесят семь человек – это выездных линейных, специалистов, трое в администрации. Из них двадцать семь врачей, остальные фельдшера. Сорок три женщины, из них пятнадцать врачей, двадцать восемь фельдшеров. Средний возраст среди врачей тридцать восемь лет, что, в общем, по всей московской скорой старше среднего возраста – тридцать два года. – Полковник не сверялся с записями, а цитировал сводку по памяти, – а это значит, что заведующий бережет кадры. Кстати, из ста десяти выездных сотрудников восемьдесят восемь работают на этой подстанции дольше десяти лет. То есть пришли еще в 80—х. А о чем говорит такой старый коллектив?

Иван пожал плечами.

– О том, что эти люди отобраны. – Ответил на свой же вопрос Москвичов.

– В каком смысле, отобраны? Для чего?

– В смысле, что они давно сработались, доверяют друг другу, и создали для себя максимально комфортную среду. В таких вот спаянных командах очень легко возникают преступные сообщества. Особенно в современных обстоятельствах, когда разрушены привычные моральные ценности и нет страха перед законом.

– Артем Викторович, а вы не предвзяты? Что с того, что люди собрали такой коллектив? Я еще раз скажу – мне за год работы на той подстанции, не было так комфортно, как несколько дежурств здесь. Я даже не ощущаю усталости после суток. И настроение хорошее. Вы уверены, что на подстанции действительно творятся темные дела? Да о таком месте работы я и мечтать не мог!

Москвичов не улыбался. Он смотрел на Ивана и посоветовал:

– Никогда не меряйте людей по себе, Иван. Они или лучше и хуже, но совсем не такие как вы. И если вы порядочны и честны, то это не значит, что все кругом такие же. Если вы способны на обман и кражу, вероятнее всего, большинство в вашем окружении – доверчивые и беспечные люди, которых не грех обмануть и обокрасть. А в коллективе, где все свои и действует закон круговой поруки – почти на сто процентов происходит что-то противозаконное. А вот что – вам и нужно узнать. Включите всю осторожность и способность мыслить не только логично, но и как мыслят преступники.

Ивану будто кипятком в лицо плеснули. Москвичов только что, не произнося этого слова, дал понять, что он – Иван дурак. Полковник вдруг перешел на ты.

– Постарайся в словах, обращенных к тебе или сказанных в твоём присутствии, отсеивать пустую шелуху. Часто люди болтают ради самоутверждения, врут или говорят правду. Не спорь, но и не верь. Ты умеешь слушать, это хорошо, но еще нужно научиться выводить человека на разговор. И не делай главной ошибки. Не пытайся никогда убедить собеседника, что он не прав. Он сразу потеряет к тебе интерес как к слушателю. Ведь ты ему доказал, что он не сможет тебя убедить. А это самое важное. Пусть убеждают. Не надо льстить, это не всем нравится, а вот соглашаться и дополнять это хороший прием. Сейчас люди не боятся высказывать свое мнение, иногда делают это неискренне, а потому что модно. Модно нагло говорить то, что в другое время и с другими людьми было бы опасно. Сейчас есть люди, которые бравируют своим криминальным мышлением. Такие, случайно, что-то узнав, чтобы набить себе цену выложат эту информацию, как нечто невероятное. Не в расчете, что им поверят, а потому что звучит прикольно.

Иван понял, что инструктаж продолжается. Полковник опасается за Ивана, что тот по неопытности провалит операцию. Это беспокойство объяснимо.

– Спасибо за советы, Артем Викторович, я надеюсь, что они мне очень помогут в работе. – Иван постарался, чтобы в голосе не было и намек на сарказм. – Я согласен с вами. Многие мои сверстники изменились очень сильно, и не только сверстники. В людях, будто какие-то другие краны открылись. Не знаю, какие еще метафоры найти. Все мы как смесители горячей и холодной воды. Раньше вот раз смешали – и течет вода одной температуры, а сейчас, как резьбу посрывало у людей. Извините за сантехнические аналогии.

– Ничего, ничего, – Москвичов спрятал улыбку за бокалом с коктейлем, – очень образно и точно. Нужно пользоваться моментом. Ты понимаешь, что политика меня не волнует. Бандитизм и оргпреступность. Но вернемся к тебе на подстанции. Ты заметил проверку?

Иван задумался и ответил медленно, вспоминая прошедшие дежурства. И его общение на подстанции между вызовами.

– Мне показалось, что нет. Хотя...

– Что?

– Сейчас, вы натолкнули меня на сомнения. На позапрошлом дежурстве врач в шесть открыл ночную, а я в десять вечера сдавал дневную бригаду и носил из машины имущество

на склад. Проходя мимо одного рафика, увидел через открытую дверь, что внутри сидят трое, врач Бачило и два фельдшера Романецкий и Логинов. Один из них, Романецкий, закончил смену и должен был идти домой, а другие дежурили до утра. Так вот они разливали водку по стаканам.

Полковник слушал внимательно, а Иван пытался вспомнить, как же их зовут, но не получалось.

– Я сделал вид, что не заметил. Прошел мимо. А когда вернулся в машину за баллонами с закисью, боковая дверь той машины была уже закрыта.

– А почему ты уверен, что они разливали именно водку?

– Так этикетку было видно. Смирновская.

– Чудесно. – Полковник потер руки. – А говоришь, проверки не было. Вот! Это и была проверка.

– Почему вы так думаете?

– Уверен. Но прежде чем я докажу тебе это, ты сам вспомни и ответь. Кто из пивших водку потом попался тебе на глаза и был нетрезв?

– Никто.

– Вот именно. Тот, что ушел домой – бог с ним, а вот два человека продолжают дежурить пьяными. И никто на это не обратил внимания? А ты хоть кого-то из них видел потом ночью?

Иван вспомнил, что оба утром пришли на пятиминутку и вели себя абсолютно трезво.

– Вы правы. Утром они были трезвыми. Я не принохивался, но, по—моему, от них даже не пахло. В закрытом пространстве конференц—зала выхлоп был бы заметен.

– Молодец! Они демонстративно распивали, а когда ты их увидел и ушел на склад, закрыли дверь в машину и стали ждать, что ты или диспетчера пригласишь или кого-то из дежурного начальства. Так?

– Да. – Признал Иван, – а я сделал вид, что не заметил.

– Вероятнее всего, в бутылке была не водка, Иван. Поздравляю, первую проверку ты прошел. Они конечно, не успокоятся, но интерес к тебе появился. Ты не сдал явных нарушений трудовой дисциплины. А значит, что ты не стукач. Теперь жди более серьезных проверок. С каждым подобным случаем тебе начнут доверять все больше и больше. Но и раскрываться перед тобой тоже будут сильнее. Думаю, немалое значение окажет и ползущий за тобой слушок, что с прежней подстанции тебя выгнали за мухлеж с наркотиками. Уверен, что заведующий ваш, как ты его называл, ЮАН, уже навел о тебе справки и знает истинную причину твоего ухода с прежней подстанции, но, несмотря на такой прокол с твоей стороны, согласился взять. Каково?

Иван пожал плечами. Отломил кусочек пирожного.

– Я подумал, что он больше заинтересован в работнике – мужчине и не придавал значения слуху. Ведь доказательств у заведующей не было. Она выгнала меня только из-за подозрений. Москвичов усмехнулся.

– Знаешь анекдот? Одна аристократическая семья приглашала периодически к себе друзей, и вдруг однажды не пригласила. Вот обиженный друг звонит хозяевам, и спрашивает: «В чем дело? Мы вас чем-то обидели?», «Нет, – отвечают хозяева, – после вашего визита у нас пропали серебряные вилки, и мы подумали на вас.», « Но мы не брали, – оскорбленно возразил друг, – как вы могли так подумать?!», «Да, знаем. Вилки потом нашлись», «Так в чем же дело? Нашлись же вилки!», «Ну и что, что нашлись? Осадок-то остался!».

Иван уже слышал этот анекдот, но из приличия не стал перебивать и даже посмеялся.

– Я понял.

– Вот и хорошо. – Москвичов допил коктейль. – Я пойду, надеюсь, тебе на пользу пойдет наш разговор. Но теперь мы увидимся нескоро. Чем больше к тебе будет доверия на подстанции, тем больше будет и внимания. А встречи со мной могут тебя сильно скомпрометировать.

Поэтому не забывай отзваниваться. Времена настали жесткие, жизнь сильно подешевела. Будь осторожен, и на связь с докладом выходи, только когда будет точная информация по заданию.

Москвичов спросил счет и заплатил за обоих.

Оставшись один, Иван перебрал в уме беседу. Полковник не зря приезжал. Разговор действительно очень многое прояснил, а главное придал тонус. А то Иван заметил, что с каждым дежурством ему все меньше хотелось что—либо расследовать.

Иван поехал домой, к маме. Пока он разувался в прихожей, зазвонил телефон.

Тесть сообщил, что пришло письмо от Оксаны, и пригласил в воскресенье Тупицыных на борщ с пампушками и драники. Иван сослался на дежурство и пообещал заскочить за письмом в понедельник после суток, а мама вряд ли пойдет в гости одна. По телевизору, кроме однообразной рекламы МММ в виде бабочек и дебильного Лени Голубкова, фирмы «Партия» с логотипом в виде мельницы и банков, обещающих огромные проценты по вкладам, шли latinoамериканские сериалы, которые почему-то обожала мама. А в новостях, рассказывали о митингах и протестах коммунистов в разных городах страны. Но именно сейчас об этом совсем не хотелось узнавать. Иван понимал, что это страусиная тактика. Закрытые глаза и уши не избавляют от событий, они избавляют только от информации. Проблем это не решает.

«Кто владеет информацией, тот владеет миром» – изречение Дэвида Рокфеллера [13]. Иван знал это, хотя «главный буржуин [14]», как называли богатейшего империалиста и создателя Билдербергского клуба в семье Тупицыных, ему очень не нравился ни внешне, ни делами своими.

Принудив себя ознакомиться с текущими событиями в стране и мире, Иван ушел в свою комнату. Там он раскрыл «Щит и меч», погрузившись в приключения советского разведчика Иогана Вайса в фашистской Германии во время Второй Мировой войны, которая вот—вот перерастет в войну Отечественную.

Иван понимал, почему Москвичов посоветовал изучать эту книгу. Вайсу не надо было постоянно бороться с ощущением, что кругом нет врагов, но он постоянно должен был находиться в роли прусского шофера, солдата, фашиста, при этом оставаясь советским человеком и комсомольцем или коммунистом, думать о задании и сборе информации, не столько анализируя ее, сколько пытаясь определить ценность.

Глава четвертая

в которой Иван «сдает выездной экзамен»

заведующему подстанцией и знакомится с Нелей Бакировой и Люсей Шкрёбо.

Доктор Сидорчук, с которым Иван дежурил первые сутки на новой подстанции, предсказал, что заведующий наверняка в ближайшие же выходные, когда выпадет по графику, поставит Ивана к себе в бригаду. Это уже традиция. ЮАН должен составить собственное мнение о подготовленности нового сотрудника.

Волновался ли фельдшер Тупицын? Конечно. Как и любой бы не был спокоен на его месте. Для Ивана это волнение распределилось в двух плоскостях. Одна, это оценка его профессиональных качеств, другая – заведующий или доверит ему что-то особенное, или наоборот, закроется навсегда, почуяв в Иване сексота.

«Не суетись!» – повторял себе Иван. – «Держись спокойно и уверенно. Ему нужно понять, насколько я опасен при самостоятельной работе. Не может же он меня все время держать в роли второго номера. Рано или поздно придется выпустить одного. Я его понимаю. Да. Он хочет узнать меня получше.» – почувствовав, что мысль пошла по второму кругу, Иван умылся холодной водой и, забрав карту с вызовом, пошел к кабинету ЮАН, тот сам появился в коридоре, уже с фонендоскопом на шее.

«Услышал вызов по селектору», – догадался Иван.

«Суточный экзамен» проходил весьма спокойно. ЮАН не спрашивал, не экзаменовал в прямом смысле. Осмотрев больного, он подзывал Ивана, предлагал самому осмотреть и задавал один вопрос:

– Ваше мнение, коллега?

На первом же вызове это обращение подняло самооценку Ивана на невероятную высоту. Стараясь не ударить в грязь лицом, он выслушал сердце и легкие, выстукал, припоминая анамнез и жалобы, которые слышал еще при осмотре заведующим, после чего выдал свою версию диагноза. ЮАН внимательно выслушал, наклонив голову, как бы соглашаясь, и спросил:

– Чем лечим?

Иван перечислил препараты.

ЮАН жестом в сторону пациента, развернув руку ладонью вверх, предложил:

– Приступайте.

Иван набрал шприц и ввел лекарство.

Так повторялось на каждом вызове. Женщины и мужчины с гипертонией и болями в разных частях тела. Рутину, как определил ЮАН. После шести вызовов кончились шприцы, и они вернулись на подстанцию. Разовых шприцев не хватало, поэтому их экономили, а в бумажных крафт–пакетах брали стерильные стеклянные «рекорды» с тупыми претупыми иглами. «Рекорды» эти изготовлены были, наверное, еще в шестидесятых годах, потому что уплотнительные резинки на поршнях пропускали, иголки соскакивали и были настолько тупыми, что при внутримышечных уколах порой сгибались, не проткнув кожу, а если ими пытались попасть в вену, входили туда с характерным хрустом, который ощущался пальцами.

Если заведующий не соглашался с Иваном, он делал жест, словно перечеркивал все сказанное, повернув ладонь вниз, при этом чуть покачивая головой. Он не говорил «нет».

– Подумайте. – Это было его любимое слово. – Подумайте еще, Иван.

И Иван думал, перебирая варианты. Выдавал наиболее вероятный. ЮАН обычно соглашался с новым «мнением коллеги».

Так продолжалось, пока вечером диспетчер не вызвал заведующего в диспетчерскую. Тот пробыл в «оперативном центре» не дольше минуты, вышел с картой, заглянув в кухню, позвал Ивана.

– Вам не приходилось бывать у Нели Бакировой? – спросил ЮАН, пока они шли к машине.

– Нет, а кто это?

– Когда-то она работала на скорой, сейчас инвалид—астматик. – Заведующий забрался на переднее место в машине и говорил через окно в переборке. – Если она вызывает, значит, приступ очень тяжелый. Неля – дама серьезная. Я заметил, что вы довольно неплохо колете в вену. Должен предупредить, у Бакировой они очень очень тонкие и ломкие.

По лестнице навстречу медикам пробежали два молодых человека, лиц которых Иван в сумеречном свете слабеньких ламп разглядеть не успел. Еще один, уже не молодой, но и не слишком старый, стоял у приоткрытой двери квартиры. Вид у него был самый затрапезный. И если бы не свет, падавший на лицо из прихожей, Иван не рассмотрел бы его.

ЮАН пожал протянутую руку и спросил:

– Давно уже приступ?

– С полчаса. Беротек не берет. Она боится, – ответил унылый мужчина.

Все окна в квартире закрыты. Спертый влажный воздух наполнен каким-то приторным ароматом, от которого у Ивана закружилась голова.

– Ты что, не мог не курить, Рушан? – обращаясь с упреком к унылому дядьке, произнес ЮАН.

– Я немного, ну совсем-то без затяжки ... – унылый развел руками, отворяя дверь в комнату из которой доносилось тяжелое сиплое дыхание. – Проходите!

Иван увидел огромную женщину в непонятного цвета домашнем халате, полусидящую в кресле. Тяжелое дыхание вырывалось из ее широкого рта, два подбородка покрыли шею и обширную грудь, руки ее с закатанными рукавами покоились на подлокотниках и были крепко исколоты от локтей до пальцев, сжимавших потертый гобелен обивки. Фиолетовые ноги, торчавшие из—под халата лежали на небольшом пуфике с подушкой, кривые толстые и нестриженные ногти завивались на пальцах в разные стороны.

– Привет, Юрка, – сипло прошлепала губами на выдохе женщина—жаба. – Спасай меня.

Заведующий, к которому обратилась женщина столь фамильярно, не обратил внимания на «Юрку», он принялся ее выслушивать, и спросил:

– Сколько ингаляций сделала?

– Не помню, – свистела женщина, выговаривая одними фиолетовыми губами. Выдыхала она натужно, отчего лицо синело, – семь или восемь.

ЮАН разогнулся и произнес коротко:

– Преднизолон.

Иван быстро взялся набирать препарат, спросив:

– Сколько?

– Весь, что есть. Сколько в ящике? Сто пятьдесят? Набирай. Возьми разовый шприц. – Заведующий обернулся к стоящему в дверном проеме унылому Рушану, – Небулайзер найди! Я знаю, у вас есть.

– А можно без гормонов? – просипела больная. – Эуфилинчик с коргликоном.

– Заткнись, – оборвал ее заведующий, – мокротой захлебнешься. Сперва приступ надо прервать. Опять в статус захотела?

– Неее, – покачала головой больная и издала прерывистое сипение, в котором Иван с трудом узнал смех.

Иван забыл о том, что ЮАН говорил в машине про вены и словно в трансе, наложил жгут на плечо, несколько раз хлопнул по сгибу в локте и с первого раза вошел в вену, начал вводить преднизолон.

ЮАН на мгновение замер, затем быстро набрал еще пару шприцев и подал их Ивану.

– Вот это тоже делай, не спеши. Вены у нее очень хрупкие. Нажмешь слишком сильно – лопнет. – Он обернулся к Рушану, который стоял, держа в руках коробку с небулайзером, – вы его даже не распаковали?! Поставь тут, и принеси кружку горячей воды, а в нее размешай пол-чайной ложки соды. Шевелись!

Заведующий говорил, не кричал, но почему-то его приказы звучали подобно окрикам.

Рушан поставил коробку на пол. Побежал в кухню. ЮАН распаковал небулайзер, протер его салфеткой.

– Пульмикорт купили?

– В холодильнике, – женщина произнесла это почти нормальным голосом, сипение уменьшилось. – Эуфиллин когда сделаешь?

– Когда буду уверен, что мокрота нормально отходит. Сейчас соду выпьешь, – заведующий повернулся к фельдшеру, – Иван!

Тупицын, медленно вводивший последний препарат, отозвался:

– Что?

Заведующий пожевал нижнюю губу, размышляя.

– Ничего, хотел капельницу ей с физом поставить, но не успеем. Сразу не взяли бутылку, теперь не успеем.

– Почему, не успеем?

– Пока ходить будем, игла сядет.

– Пошлите Рушана, а я пока физ шприцем введу, чтобы не затромбировалась.

Вена, однако, на ситуацию имела собственное мнение. Как только Иван собрался подключить шприц с физраствором, она сделала «пук» и под кожей начал наливаться синеватый бугор.

– Все, Юрий Александрович, вена лопнула.

– Значит, не судьба. Перебинтуй.

Лицо у женщины приобрело нормальную окраску, толстые фиолетовые губы возвращали себе привычную красноту. Дыхание замедлилось и углубилось.

– Думала, сдохну.

Голос в спокойном состоянии у Бакировой оказался низким и хриплым.

Заведующий собрал и заполнил небулайзер, включив, отметил удовлетворенно, что из маски идет пар с лекарством.

– На! Дыши!

– Не люблю я гормоны, – Бакирова попыталась отмахнуться от небулайзера.

И вот тут Иван впервые услышал от заведующего мат. Тот коротко резюмировал мнение больной. ЮАН использовал только одно слово, но очень емкое и убедительное, звучащее почти по-французски. Женщина взяла маску и принялась дышать лечебным паром.

– Ну, вот и все. Иван, приберись.

Заведующий сел писать карту.

– Мальчик-то какой молодец! – пробубнила из под маски Бакирова. – Никто в вену не попадает.

Иван пропустил ее слова мимо ушей, но, как ни старался не обращать внимания на похвалу, щеки порозовели. Он собирал шприцы, иглы, ампулы, перчатки и окровавленные тампоны в пустой бумажный пакет.

– Давно на скорой? – спросила Бакирова, непонятно кого, но Иван принял вопрос на свой счет.

– Второй год. – Ответил он.

– Молодец! А еще раз попадешь?

– Не знаю, может быть.

– Юр! Сделайте эуфиллинчик с коргликоном!

Бакировала дышала уже вполне сносно, но сип и свист доносились из—под маски.

– Зачем тебе? – ЮАН недовольно поморщился.

– Хуже не будет ведь?! Основной бронхоспазм сняли, теперь-то можно? – Бакирова от попыток убедить заведующего опять посинела. Говорить ей было еще трудно.

– Вот как выпьешь два стакана с содой, тогда сделаем.

– Шантажист! – Бакирова поманила Рушана, – принеси литровую банку с раствором.

Рушан послушно удалился на кухню и через пять минут вернулся.

Иван не получив приказа от ЮАН набирать лекарство, сидел и ждал, наблюдая, как тот заполняет карту. Бакирова отложила маску небулайзера, пила из банки содовый раствор и бубнила:

– Вот, видишь, я пью!

– Иван, наберите эуфиллин с коргликоном и попробуйте ввести.

ЮАН говорил, не отрывая глаз от карты. Бакирова пила небольшими глотками и старалась отдышаться, но свист был очень силен. Иван понимал, бронхи ее забиты мокротой, после введения гормонов и антигистаминных препаратов спазм уменьшился, но полностью не прошел. Он не понимал, зачем ЮАН заставляет Бакирову пить содовый раствор. Внутривенно ввести соду понятно, это уберет закисание крови, наладится нормальный газообмен в тканях. А пить? Желудочный сок ведь разрушает соду. Иван поставил «зарубку» в уме, не забыть спросить заведующего.

Он со шприцем подошел к креслу, затянул жгут на запястье Бакировой и увидав надувшуюся венку у основания большого пальца, ввел в нее иглу.

– Я в вене! – объявил он, увидав красную каплю внутри шприца.

– Талант! – просипела Бакирова и добавила, – Давай!

– Медленно! – ЮАН посмотрел на стоящего у кресла Ивана, – очень медленно. А ты, давай отхаркивай! Хватит свистеть.

– Изверг, – пожаловалась Бакирова и вдруг закашлялась, будто слова ЮАН что-то включили в ее легких.

Подскочил Рушан с полотенцем. Женщина кашляла страшно, надсадно, будто все легкие пыталась выкашлять из себя. Она отплевывала желеобразную золотистую мокроту. ЮАН тоже подошел и, наклонив за шею Бакирову вперед, принялся выбивать кулаками на ее спине барабанную дробь.

В шприце у Ивана оставалось около трети препарата. Он испугался, что дернувшись во время очередного приступа кашля, Бакирова проколёт вену, поэтому остаток ввел побыстрее.

Бакирова продолжала кашлять. Рушан складывал полотенце, в которое вылетали куски мокроты. Иван удалил иглу из вены и заклеил место инъекции приготовленным тампоном с пластырем. Женщина задышала глубже и спокойнее. ЮАН ее отпустил. Он отошел на шаг, осмотрел глаза и лунообразное лицо.

– Раствор допей и еще откашливайся.

– Не бей меня! – улыбнулась Бакирова.

– Я тебя еще и не бил, Неля. – ЮАН был серьезен. – Ты ходишь по краю. Нельзя так себя запускать. Зачем беротек вдыхаешь избыточно? Забыла про рикошет [15]? Ты же сама – фельдшер. Вспомни! В больницу хочешь?

– Нет. Приступ же купировали. Зачем теперь? Ты мне лучше этого мальчика присылай. Руки волшебные! Из твоих-то уродов никто не может попасть, а он – попал два раза! Юра, обещай.

ЮАН дописал карту. Он подошел к Бакировой с фонендоскопом и принялся выслушивать ее легкие.

– Иван, идите в машину, я сейчас отзвонюсь и догоню. – Он дождался пока Иван собрал ящик и вышел. – Что обещать? Ты же знаешь, что найти нужного человека в нужный момент очень трудно. Дежурит он как все сутки через двое. Выдергивать его в выходной я не могу. Если повезет, и он будет дежурить, я дам команду присылать его.

– Спроси его телефон, Юр, я ему заплачу.

– Телефон спрошу, но деньги я думаю, он не возьмет. Идеалист. И не развращай его!

Иван остановился в коридоре и слышал этот диалог. Ему было неловко, но внутреннее чутье подсказывало – подожди, послушай. Когда еще услышишь о себе столько хороших слов?

– Так может быть его подключить?..

Что сделал ЮАН, Иван не понял, но Бакирова оборвала себя на полуслове.

– Пока рано. Проверка не закончена, – голос ЮАНа был тверд. – Не спеши.

Иван, услышав скрип паркета под его ногами, поспешно на цыпочках выскочил за дверь на лестничную площадку и побежал вниз, не дожидаясь лифта.

«Проверка не закончена». Повторял Иван про себя слова заведующего. К чему подключить? Чья проверка, моя? От волнения его затрясло. Вот о чем говорил полковник! Заведующий его проверяет. Все сходится.

Иван занес чемодан с лекарствами в салон, сам залез. Следом вышел из подъезда ЮАН. Самое сложное теперь, не показать вида, что слышал разговор с Бакировой. А она тут при чем?

Иван по совету из книг Добровича, чтобы успокоиться и подумать, сделал десять глубоких вдохов, задержал дыхание и зажмурился, до звезд и огненных кругов. Пришел в себя от прикосновения.

– Иван! С вами все в порядке?

ЮАН тряс его за плечо.

– Да, все хорошо. Устал просто.

– Куда едем? – спросил водитель.

– Возвращаемся на подстанцию. – Ответил заведующий. – Усталость, это норма. Смена кончается, не заметили? Полдесятого уже.

Иван обратил внимание, что ЮАН взволнован, хотя и неплохо скрывал это, но немного изменилось поведение.

Заведующий повернулся к нему, перевесившись через окошко.

– Вы молодец, Иван. Неля со мной работала еще в семидесятые. Знаете главную болезнь скорпомощников?

Иван покачал головой.

– Хронический бронхит, – объяснил ЮАН, – Курят почти все и машины дырявые, сквозняки зимой и летом. А у Нели бронхит перешел в астму. Зимой семьдесят восьмого и девятого был дикий мороз, она в старом РАФе с неработающей печкой заработала воспаление легких. И покатилося. Астма – тяжелое течение. Она на инвалидности уже лет пять. Все вены испорчены. Она не обманывала, когда сказала, что ей никто в вену попасть не может. Я тоже не рискнул бы. А в центральную вену колоть в домашних антисанитарных условиях не положено. Сегодня редкий случай, когда не пришлось ее везти в больницу, благодаря вам.

Ивану стоило немалых усилий, чтобы не спросить заведующего, о какой проверке тот говорил с Бакировой, и к чему она предлагала его подключить? Совет Москвичова – никому не верьте, как бы вам ни хотелось, во время пришел на ум. Иван откинулся на кресле в салоне рафа и снова зажмурился. «Глаза и уши!» – это ужасно. Ему нравился ЮАН, с его внутренней силой и авторитетом. Сколько ему? Пятьдесят? Нет, больше. Шестьдесят? Непонятно. Короткая стрижка седые волосы и черные брови, отчего карие глаза приобретали особую пронзительность. Ивану невольно захотелось к старости стать именно таким, цельнолитым и излучающим энергию.

«Никогда не меряйте людей по себе, – говорил полковник, – это главная ваша ошибка. Вы видите в людях то, что хочется, а совсем не то, что есть на самом деле. Оттого и приходится разочаровываться. Вот, чтобы не было этого потом, чтобы неожиданные открытия не повергали вас в шок, никогда не доверяйте своему первому впечатлению. Оно на сто процентов ошибочно».

Иван вдруг подумал, что полковник очень похож на заведующего, только моложе лет на десять или больше. Допустить мысленно, что ЮАН имеет какое-нибудь отношение к криминалу, не получалось. Не свойственен ему авантюризм.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.